

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE TRIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 37

II—1955

ВИДЕНИЯ И ОТКРОВЕНИЯ ГОСПОДНИ (Неизданная проповедь).

«Перейду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли не знаю, вне ли тела не знаю, Бог знает) восхищен был до третьего неба... восхищен в рай и слышал речи неизреченные, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. XII, 1-4).

Вот о чем поведано нам святым и великим Павлом. Но звучит ли это для нас, воспринимается ли нашим внутренним слухом? Естественно, что поведением этим возбуждается в нас удивление и преклонение пред великим апостолом, таинником Божиим. Однако, является ли это достаточным на него откликом, может ли на нем остановиться ответное движение нашей души, или же оно с необходимостью должно пойти и далее, но куда и в какую сторону? Коснем ли мы в немощи, или же призываемся к мощи? Испытываем ли испуганность и смущение или же вдохновение восторга? И сознаем, что первым движением души является в нас желание укрыться от поведенного нам и как бы от него защититься в ленивом своем покое и праздности духовной, остаться как были. Таково было и первое слово Симона Петра к Господу пред лицом чудесного улова рыбы: «изыди от меня, Господи, ибо я человек грешный», ибо ужас объял его и всех бывших с ним от этого лова рыбы (Лк. V, 8-9). Его первое движение было защититься от призывного знамения, не следуя за Христом (10-11), для нового лова, — не рыб уже, но человеков. Таковы и все мы в своей человеческой немощи, о сем же свидетельствует о себе самом и сам апостол Павел: «собою не похваюсь, разве только немощами моими» хотя в них и совершается сила Божия, и «обитает в нем сила Христова» (2 Кор. XII, 5, 9). И этого немощного человека апостол противопоставляет в себе самом сему вознесенному в рай избраннику Божию. Апостол в себе самом с удивлением созерцает дела Божии и к тому же зовет и нас, которым поведал о них. Зачем и почему поведал он, — не только о трудах и болезнях своих апостольских (2 Кор. XI), но и об этой тайне своей сокровенной, и не только Коринфянам, но чрез них и всем нам. Для того ли только, чтобы потрясти наше воображение величием своего избранничества, смутить нас, или же призвать и нас к последованию себе, и уже не только в немощи, но и в мощи.

Однако не безумием ли звучат такие слова о дивных делах Божиих в применении к нашему убожеству, которое мы сами в

себе знаем. Да, это и есть безумие для человека в немощи, однако, в ней совершается сила Божия, пред которой всегда и неизменно изнемогает и истощается мощь человеческая: Павла ли, Аполлоса или Кифы (1 Кор. 1, 12), «ибо немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (25), и «немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (27). Станем ли мы мерить себя мерою великого апостола, а свои касания иного мира его видениями и откровениями, которых мы постигнуть не можем и даже приблизиться не дерзаем! Да не будем. Однако, во всей нашей малости не дано ли и нам ведение Божественного, которое так и именуется благодатью, благодатным даром. И эти касания Божественного не суть ли и для нас неизреченные глаголы, «восхищение в третье небо и рай», когда мы преклоняем колена духовно и раскрываем святилище сердца? Ибо небо открыто для нас Христом, и неизреченные глаголы звучат в Его Церкви, имея уши слышати да слышит. И в Церкви же совершается восхищение в рай и в третье небо, — прииди и виждь. Разве в Церкви не совершаются св. таинства? Разве на трапезе Господней не призываемся мы к совершенному соединению с Христом? Разве в миропомазании не сообщается сила Пятидесятницы каждому из нас, подобно как и в других таинствах церковных? И не есть ли это все сила Божия, которая совершается в нашей немощи? Обо всем этом мы научаемся в уроках вероучения, однако, часто воспринимаем их лишь умом и памятью, а между тем, это и есть не только мысль и учение, но сама живая действительность, к которой и призывает нас ныне апостол чрез повествование о видениях своих и откровениях. И суть ли они единственно данная великому сему апостолу во свидетельство истинности его апостольства (1 Кор. IX, 1)? Нет не единственно ему, и он не единственный даже при всем своем величии. Разве возлюбленный ученик, тайнозритель, не зрел отверстого неба, престола Божия, и сидящего на нем Агнца? И не исполнены ли летописи церковные повествований о видениях и откровениях горнего мира святым человекам, об явлениях Самого Христа, как Он являлся и ап. Павлу на пути в Дамаск, об явлениях Пречистой Его Матери со апостолами и святыми? То, что было ему явлено, дано не ему одному, но Церкви и «употребляющим усилие» к восхищению Царства Небесного (Мф. XI, 12). Здесь остается повторить слова апостола: «на личность ли смотрите? Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что как он Христов, так и мы Христовы» (2 Кор. X, 7). Не для того, чтобы от нас отделиться и над нами превознестись, поведал нам апостол о данной ему благодати апостольской, даже и в нем самом совершающейся в немо-

щи человеческой, в которой обитает сила Христова, но чтобы к нам и приблизиться и нас призвать к последованию за собою: «умоляю вас, подражайте мне, как и я Христу» (1 Кор. IV, 17; Фил. III, 17; 2 Сол. III, 7). Но и не только себе самому зовет подражать ап. Павел, но и всем наставникам, которыми для нас являются святые: «взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. XIII, 7). Он зовет нас к духовному сему дерзновению.

Но не явится ли оно в нас лишь бесплодной дерзостью, если мы станем мерить себя их мерой, безмерно превышающей нашу собственную и свою малость, свое ничтожество сопоставлять с совершившими подвиг веры, «взирая на начальника и совершителя меры Иисуса» (Евр. XII, 2)? Не объемлет ли нас страх, и не противится ли в нас и законное смирение, ведение себя самих, каковы мы есть в грехе своем? Однако, не станем мнимой или даже подлинной добродетелью сокрывать подлинный свой грех духовной лености, холодности, безразличия. Ибо все мы, как христиане, призваны стремиться к «цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (Фил. III, 14), и «не мерою дает Бог духа» (Ин. III, 34). Дар благодати дает Бог, но лишь взыскующим его, — верою, молитвою, трудом, всяческим усилием: «ищите и обрящите» (Мф. VII, 7). И применяем ли мы эту умеренность и благоразумие в отношении к тем, кто явили безумие и безмерность в духовном своем дерзновении?

Чего же нам искать? Знаем ли и можем ли искать, чего не знаем? Однако, и это, как будто искреннее недоумение не есть ли также лишь отговорка для того, чтобы сохранить нам покой нашей духовной неподвижности и бездействия? Так ли мы бедны и обделены Даятелем даров духовных, «Богом милости и щедрот и человеколюбия», как сами себе представляем? Или же и здесь поражает нас бич забвения, отсутствия внимания духовного? Правда ли, что есть среди верующих хотя кто-либо, кто на путях своей жизни не встретил Бога, кого не коснулось бы веяние Духа Божия? Пусть каждый из нас в тайниках своей души, пред лицом совести своей сам на это ответит, и ответ его да не будет, ибо не может быть, отрицательным. Рассматривая жизнь, в ее радостях и горе, благополучии и потрясениях, в скорбях и испытаниях, когда рассекается сердце и открывается душа, когда человек призывается пред лице Божие, не обнаружим ли мы и в нашей собственной жизни «восхищения» в небеса и слышания «глаголов неизреченных», как бы ни было оно тускло и глухо? Но мы в том сами себе не верим, сами от себя убегаем, забываем и забываемся, а между тем нужно хранить в душе сокровище, **помнить** о том, что есть ее жемчужина. И память эта есть священный

залог при взыскании Царствия Божия, якорь спасения от гибели... И ныне, в дни бедственных испытаний, надлежит сугубо хранить эту память о том, как являема была нам милость Божия, и дана была как личная встреча со Христом, как было это с Павлом накануне его обращения: «Савле, Савле, что ты Меня гонишь? Трудно тебе прати против рожна» (Д. А. IX, 4). Да и нужно ли искать каких-либо особых происшествий в жизни, чтобы ощутить близость Божию, опознать душой прикосновение благодати Божией. Ибо Господь являет Себя не только в буре, огне и землетрясении, но и в «дыхании гласа тонка», в тишине души, в ее молчании. Не является ли восхищением в рай благоговейное приближение к святыне, — в таинстве или горячей молитве, особенно же в величайшем Даре любви Божией, во вкушении Тела и Крови Христовых, к которому призываемся мы приступать «со страхом Божиим, верою и любовью». И то, что подается нам в этом даре, есть восхищение не только в третье небо, но в самое небо небес, к престолу Господню...

Посему да внемлем слову апостола Павла не рассеянным и не хладным слухом, как рассказу о чем-то далеком нам и чуждом, высоком, но и страшном, а как самому дорогому и нужному, и каждому из нас близкому, о чем он доверил нам для пользы нашей, ободрения и утешения. Ибо, если мы и немощны, то сила Божия в немощах совершается. Не будем же от нее укрываться в немощь, но и собственным нашим усилием ее соелекатся.

Прот. С. Булаков.

ТАИНСТВО ПОКАЯНИЯ

Таинство покаяния не вызывает особых вопросов у церковных людей. Послушный сын Церкви знает, как таинство покаяния необходимо для веры, поддерживая и согревая ее, и как оно помогает в борьбе против греха. Иные, однако, сомневаются в его необходимости, ставят вопрос: согласно ли таинство покаяния со Словом Божиим и не дает ли оно человеку (духовнику) чрезмерную власть, принадлежащую одному Богу?

Причины противления исповеди легко определимы. Прежде всего **обмирщение**, оторванность от Церкви в жизни и сознании. Еще недавно, якобы, православные народы жили цельной духовной жизнью, в которой Церковь и государство жили в согласии (симфонии), тогда как за блестящим фасадом уже давно шел разрушительный процесс. Разлад между интеллигенцией и Церковью все усиливался. К тому же религиозное сознание все более станови-

лось индивидуальным, уходило в чувства и переживания, становилось субъективным. Параллельно шел процесс разложения самой личности, вследствие безответственного пользования личной свободой и забвения того, что сама личность неосуществима вне **закона Креста** — смирения и самоотвержения (Мф. 16, 24-26). В результате всего этого терялось подлинное **чувство греха**.

В Ветхом Завете уже существовала практика исповедания грехов. Так, по повелению Бога, Моисей установил ежегодный праздник очищения грехов (Лев. 16, 5-10; 21-22; 26-34). «В сей день очищают вас, чтобы сделать вас чистыми от всех грехов ваших... очищать же должен священник, который помазан». Ветхий Завет знал очищение грехов и для частных лиц. Наряду с мирной жертвой и всесожжения, существовала особая жертва за грех (Лев. 4, 1-7). «Если он виновен в чем-нибудь из сих, и исповедается в чем он согрешил, жертву повинности... и очистит его священник от греха его» (Лев. 5, 5-6; Притч. Солом. 28, 13).

Пророки настаивали на необходимости сознания своей греховности перед Господом (Пс. 50, Пс. 31). Искреннее раскаяние низводит прощение грехов (Езек. 18, 21-23; 27-28; 31-32; 33, 1-10; Ис. 55 гл.). Свидетельство же пророков не отменяет Моисеево законодательство, а скорее дополняет его.

В Новом Завете Иоанново крещение сопровождалось исповеданием грехов» (Мф. 3, 6-11; Мф. 1, 4-5; Лк. 3, 8-16). Сам Христос проповедывал покаяние: «исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие». (Мрк. 1, 15; Мф. 4, 17). И в доказательство своего божественного достоинства Спаситель отпускал грехи отдельным лицам, чем вызывал негодование фарисеев (Мф. 9, 217; Мрк. 2, 3-12; Лк. 5, 18-26 случаев с расслабленным).

Подобную же власть воскресший Христос передал и ученикам: «как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул и говорит им: «примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся, на ком оставите на том останутся» (Ио. 20, 22-23; Мф. 18, 18).

Спаситель нарочито указал на суд Церкви, как на высший авторитет, последнюю инстанцию: «а если и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь» (см. Мф. 18, 15).

Итак, Сам Христос установил покаяние как таинство, т. е. как откровение Царства Божия, как путь к иному бытию — жизни вечной. Оформление же таинства совершилось постепенно, по власти данной Спасителем своей Церкви. Апостолы восприняли и осуществляли эту власть, данную им Господом. Так, ап. Павел простил коринфскому блуднику его тяжкий грех (1 Кор. 5, 1-13;

Кор. 2, 1-11). В 1 Тим. 5, 20 мы читаем: «Согрешающего обличай пред всеми, чтобы и прочие страх имели». Особенно важно привести Иак. 5, 14-20: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне и молитва веры исцелит болящего и восставит его Господь, и **если он соделал грехи, простятся ему**». Здесь покаяние связано с определенным церковным чинопоследованием. В первохристианской Церкви исповедание грехов совершалось перед всей общиной. То было время, когда «все верующие были вместе и имели все общее...» (Деян. 2, 44-45).

Для особо тяжких грехов в древней Церкви был установлен чин, так называемый *exomologesis* — исповедание греха перед епископом и общиной. Последовательность же этой исповеди перед общиной заключала в себе зародыш тайной, частной исповеди, которая постепенно вылилась в настоящую практику.

Исповедь протекала в следующем порядке:

- 1) Епископ разбирал дело.
- 2) Епископ накладывал на кающегося соответствующую епитимию.
- 3) Следовало открытое исповедание грехов перед всей общиной.
- 4) Наконец, епископ снимал епитимию после проверки внутреннего состояния кающегося и таким образом последний получал доступ к полноте церковного общения, т. е. к Евхаристии. Естественно, что не всегда за частным разбором дела епископ требовал от кающегося исповедания своих грехов перед общиной. И тогда таинства покаяния ограничивались частной исповедью с увещанием.

Итак, частное обращение кающихся к епископу совершенно естественно развилось в практику личной исповеди и вытеснило прежнюю исповедь перед общиной, как только последняя была признана неудобной при изменившемся положении Церкви.

Монашеская практика частной личной исповеди перед старцем, для получения духовного руководства, также способствовала развитию личной исповеди. В древности монастыри были более открыты нежели в последующие времена. Многие из монастырской практики перешло в мир и прежде всего **искание совершенства**. И действительно, таинство покаяния не столько связано с сознанием совершенного греха, сколько оно выражает основное предрасположение души, искание совершенства: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 5, 48).

Эту положительную сторону таинства легче всего понять в сравнении с Таинством Крещения. В Таинстве Крещения закреп-

ляется союз между Богом и человеком на основании союза, установленного между Христом и Церковью. Союз этот нерасторжим: Бог всегда верен дарованному Завету, несмотря на падение человека. Таинство крещения есть по преимуществу таинство веры и праведности, осуществляющейся в жизни. Человек, клятвенно обещавший быть верным Богу, должен выявить эту верность в подвиге своей жизни. Возможные падения не уничтожают благодатного союза, но мы всегда должны его помнить.

Таинство покаяния есть постоянная проверка совести в **Церкви**. Исповедь должна быть личной, элемент личный всегда был присущ таинству покаяния, но оно не должно терять свой изначальный **соборный** характер и должно быть в **Церкви**. В наши дни это отмечается присутствием священника в качестве свидетеля: «аз же точно свидетель есмь, да свидетельствую пред Ним вся елика речеши мне». В христианстве все должно быть личным и свободным, но в нем нет места изолированному, индивидуальному действию человека вне общения с Церковью. Борьба против греха есть борьба против князя мира сего, борьба за святость есть сращение Христу, как Новому Адаму, усыновление общему Отцу, действием Св. Духа.

Исповедь, как и прочие таинства, связана с Евхаристией, которая является собственно таинством Церкви — Тела Христова. Божественной литургией увенчивается вся церковная действительность и в ней можно участвовать только с чистой совестью. Об этом свидетельствует и Св. Писание (1 Кор. 11, 27; Деян. 2, 46, если последнему отрывку придать евхаристический смысл) и сами литургические тексты, Дидахи во II в., и св. Отцы. Евхаристическое общение является знаком принадлежности Церкви и должно определять наше внутреннее отношение к Церкви единой и святой «не имеющей пятна» (Еф. 5, 27). Грех, если он и не уничтожает благодати крещения, все же ослабляет связь грешника со Христом и Церковью Его. Всякий грех удаляет от Церкви и мы всегда нуждаемся в восстановлении той **полноты** общения со Христом, которая нам дана была в крещении. Отпустительная молитва и гласит: «примири и соедини его святой твоей Церкви». Поэтому естественно приступать к Евхаристии, которая есть таинство полноты и совершенства, через исповедь.

Но кто способен произвести бескорыстный суд над самим собою? Вообще же суд есть свойство Божества. Только при благодати Божией мы становимся способными увидеть свои грехи и, прежде всего, свою основную греховность (1 Ио. 1, 8).

Суд совести над нашим внутренним миром должен быть личным подвигом, но он нуждается в восполнении (в помощи, в про-

верке, в свидетельстве перед Богом и людьми) со стороны **других**, связанных узами любви в **единой общине**, особенно же носителя духовной власти — священника, возглавителя общины и носителя апостольского преемства. Спаситель принес миру новое откровение о Боге, как милующем Отце, и звал человека подражать Богу, т. е. прощать обиды ближним и любить даже своих врагов. Грех получил поэтому новое освещение. Прежде, грех понимался как нарушение Закона, данного Богом. Христос же так тесно связал Бога и человека, что грех оказался направленным в одно и то же время и против Бога и против человека. Это засвидетельствовано в самой молитве Господней. Поэтому грех должен быть изжит в **собрании братьев**, в Церкви как общине Христовой.

Опыт показывает, что более грешные менее чувствуют греховность. Чувство греха, чуткость совести, пропорциональны святости и обратно пропорциональны греховности. Кроме того, Церковь располагает богатейшим опытом знания нашего противника, умением бороться с грехом, а также знанием внутренней, глубинной сущности человека. Священник, кроме своего личного опыта, является носителем вековой традиции победы над грехом. Таинство покаяния имеет значение не только для отдельных кающихся, но и для общей жизни Церкви и для всего мира. Оно устанавливает церковное общение между верующими на путях искания **святости**. В нем человек открывается Церкви во всей сложности своей конкретной жизни, во всем многообразии связей его с миром. И таким образом жизнь мира в ее глубине и многообразии представлена **суду** Церкви для очищения от греха и преобразования в Царство Божие, **властью Христа Ей данной**.

Свящ. Илья Мелиа.

35 ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА YMCA-PRESS *)

Организация YMCA-PRESS по своему началу и по корням своим есть дитя протестантского миссионерского пафоса. Но в данной форме ее деятельности, как книгоиздательство, за истекшее 35-летие после первой мировой войны, она стала высококвалифицированным органом русской духовной культуры и еще точнее: русской православно-богословской и церковной культуры. И это — не парадокс, не измена ее первоначальному заданию,

*) Статья эта была приготовлена 5 лет тому назад для предполагавшегося памятного сборника по случаю исполнившегося 30-летия YMCA-PRESS.

не беспринципный оппортунизм ее практичных дельцов. Это добросовестное и сознательное воплощение в путях исторической конкретности энтузиазма, характерного особенно для американцев. А именно — желания христианизировать все народы мира и через это поделиться с ними своим собственным духовным и материальным богатством.

Как же приложить этот энтузиазм к России, к стране христианской, украшенной титулом «Святая Русь»? Разумеется, вопрос ставился не об обращении и крещении язычников, а о том же спасении и укреплении христианского мировоззрения и христианской этики среди молодого поколения, как имелось в виду при развертывании учреждения YMCA и среди других христианских наций Европы. Европейская цивилизация и культура все глубже эмансипируется от христианства, и задача — возвращать ко Христу умы и сердца новых поколений — становятся все тревожнее и настоятельнее.

В дореволюционное время в России не было возможности ставить деятельность YMCA открыто.

Еще с 70-х годов прошлого столетия высшая церковная власть была встревожена евангелическим движением, поднятым в аристократическом русском обществе проповедями приезжего Лорда Редстока. Движение частично передалось и в низовую народную духоборческую среду. В противовес ему в 1879 г. организовалось в Петербурге «Общество религиозно-нравственного Просвещения в духе Православной Церкви» с его красивой церковью и залой на Стремянной улице. Примыкая к нему, как орган вспомогательный, тогда же возникло при СПб Дух. Академии «Общество Студентов-Проповедников», работавшее вплоть до закрытия Академии большевиками в 1918 г. Опираясь на тот же центр на Стремянной улице, в 90-х годах возникло «Православное Общество Студентов», с ядром в СПб Университете под водительством приват-доцента В. В. Никольского, очень активного политического лидера крайних правых. Этот острый политический акцент помешал широкому распространению данного общества в студенческой среде. Между тем потребность удовлетворения чисто религиозных интересов в среде русской молодежи, пусть только в меньшинстве ее, бесспорно существовала.

И вот после первой революции 1905 г., вместе с наступлением фактического смягчения обще цензурно-полицейской атмосферы, получила легализацию в России американская организация так наз. «Маяков». В Петербурге и Москве «Маяки» появились в виде читален, лекционных зал и даровых клубов, открытых преимущественно для студенческой молодежи. Область религиоз-

но-просветительная по русским условиям монопольно предоставлена была только православному духовенству. Деятельные столичные священники вели в «Маяках» апологетические и богословские беседы. Но религия была не в моде среди студенческих масс. И «Маяки» посещались не тысячами, не сотнями, а лишь десятками молодежи. Фирма «Маяков» не цвела, а хирела. Вскоре явился более сильный конкурент.

В самом начале XX в. возникло довольно яркое религиозно-философское движение среди руководящих верхов русской интеллигенции. На фоне общего русского ренессанса той эпохи это было явлением очень значительным. Это был глубокий перелом в русской культуре в сравнении с господствовавшим духом секуляризма XIX столетия. Выдающиеся лица из профессуры, литературы, публицистики круто разорвали с царившим незадолго перед тем материализмом, позитивизмом, рационализмом и от философского агностицизма смело повернули к положительному утверждению христианского мировоззрения и даже к прямому участию в разработке текущих практических вопросов реформ в русской церкви.

Но параллельно и вошедшему извне в русскую жизнь неэффективному опыту «Маяков» и чисто интеллигентскому религиозно-философскому модному «поветрию» начала XX столетия, бесшумно существовало не искавшее официальной легализации нецерковное течение евангелизма, как прямое продолжение салонной проповеди лорда Редстока. В Петербурге это был салон барона П. И. Николаи. Из него тянулись нити и в студенческую среду, где в обеих столицах образовались «Христианские Студенческие Кружки». Для них по летам барон Николаи организовывал даже съезды в своем финляндском имении *Mon Repos*. В этих кружках сформировался ряд выдающихся личностей, перешедших в эмиграцию и активных еще и до настоящего времени. Таковы: студент-филолог СПб Университета А. И. Никитин (в 1950 г. скончавшийся на территории Германии); прот. о. Л. Н. Липеровский (студ.-медик Московск. Университета); Щукин; m-He Бреше. Эти кружки при содействии барона Николаи усвоили английский язык и посылали делегатов на съезды «Всемирно-Христианской Студенческой Федерации» — *World Christian Student Movement*.

С момента революции 1917 г. все внутри-русские и иностранные организации, в том числе и YMCA, получили возможность действовать под открытой вывеской. Но террор большевизма изгнал из России обе инициативы религиозной активности: и иностранную и свою русскую. И уже здесь за рубежом

между ними произошло и необходимое размежевание и своеобразный синтез, продиктованный опытом. Одним из последствий этого синтеза и явилось книгоиздательство YMCA-PRESS. Оно стало органом публикации плодов всероссийского религиозно-философского творчества. И надо смело сказать — тем самым обесмертило себя исторически, ибо связало себя с существенным моментом судеб всероссийской духовной культуры. Как это произошло?

Произошло это потому, что создатели YMCA-PRESS обладали даром свободы. Они не уперлись ни на какой предвзятой доктрине. Они пошли навстречу факту духовных запросов эмиграции, интерпретируя его с доверием и благожелательностью. Это были люди дореволюционной России, хорошо владевшие русским языком, заинтересовавшиеся русской культурой и разделявшие оптимистические предчувствия своего вождя — Генерального Секретаря Федерации YMCA — д-ра Дж. Мотта о великом христианском будущем русского народа. Назовем здесь американцев П. Ф. Андерсона, Э. И. Мак-Ногена, Д. И. Лаури. К ним примкнул и швейцарец Г. Г. Кульман, увлекшийся изучением русской культуры еще в германских лагерях русских пленных офицеров периода первой мировой войны.

Деятели Всемирной Федерации YMCA, пришедшие на русское дело «во-единонадесятый час», оказались нужнейшими служителями русского православного просвещения, чем «делатели от третьего часа», и они само собой, без всякой конкуренции, «вошли в труд их». Переломным историческим моментом явился устроенный еще Всемирной Христ. Студен. Федерацией Пекинский съезд 1921 г. Дальневосточная Сибирь еще не была до 1923 г. окончательно поглощена московским большевизмом. И там, отступая из центра России (как с юга России на Балканы), скопились наиболее зрелые деятели кружков барона Николаи, упомянутые нами выше. Когда Всемирная Христ. Студ. Федерация собрала в 1921 г. в Пекине съезд, на него они все явились. Из Европы, из Болгарии приехал А. И. Никитин. А от угасавшего Владивостокского историко-филологического факультета — Л. А. Зандер. На пекинском съезде установлена была русская ветвь Христ. Студ. Федерации, т. е. Р.С.Х.Д. Еще российские ее деятели направлены были в Европу в качестве опытных инструкторов для подготовки новых кадров того же религиозно-просветительного дела.

И вот что получилось из этого дореволюционного предприятия, когда его пришлось приложить к новым исключительным условиям колоссальной русской эмиграции в Европе. Не как бы-

ло в нормальной России на «огоньки» кружков бар. Николаи и читален «Маяка» заходили лишь десятки студентов. Теперь в это русло повалили тысячные толпы. Но... прежде всего, чтобы обогреться и покормиться. Русское эмигрантское студенчество под флагом YMCA нашло свой приют, свой дом. Собирались не только для того, чтобы обогреться, поесть, почитать газету и развлечься, но и для того, чтобы идейно укрепиться, духовно утешиться в горечи потери отечества и как-то уяснить себе свою ответственность перед религией, которой раньше пренебрегали. Отвращение от демонического лика революции и у молодежи будило благосклонное внимание к консервативным началам жизни: — государственному патриотизму, культурному национализму и традиционной церковности. Можно сказать сразу в беженском быту студенчества, начиная с Константинопольского муравейника и переносясь на почву Праги и других стран, роль походного типа церквей сделалась гораздо более живой, а не формальной, как была в армейских полках. Общий консервативный тон антикоммунистической психологии тянулся к бытовой православной русской церковности и был глух к тону богословской новизны и реформ. И деятели YMCA и Р.С.Х.Д. благожелательно помогали всюду устройству церквей и приходских организаций. В такой атмосфере традиционализма потеряла под собой почву проповедь бесцерковного евангелизма, о чем ревновал В. Ф. Марциковский — твердокаменный антицерковник. И он драматически отпал, уйдя в сектантство. Это обнаружилось на съезде 1922 г. Р.С.Х.Д. в Пшерове, где, наоборот, А. И. Никитин трогательно исповедывал свой решительный переход к православной церковности. Р.С.Х.Д. после этого отчетливо скристаллизовалось в русское прицерковное лояльно-православное и не только юношеское, но и вообще мирянское христианско-просветительное движение. И наши друзья — американцы из YMCA приняли Р.С.Х.Д. в этом его прицерковном качестве и любовно поддерживали всеми средствами, ибо имели свободу принять этот факт, как явление органическое, создавшееся инстинктивно на опыте, а не на предвзятой доктрине.

Но откуда было Р.С.Х.Д. черпать его просветительные и воспитательные идеи, его педагогию, его философию, его богословие? Юношество было потребителем духовной культуры, а не ее производителем. При ярко подчеркнутом православно-конфессиональном и русско-национальном характере Р.С.Х.Д. книжная продукция и мировой студенческой федерации и YMCA, в русских переводах очень незначительная, не могла соответствовать потребностям ума и сердца русского эмигрантского юношества. Нуж-

на была своя русская религиозно-философская литература, книги, журналы.

Навстречу этой нужде пришел факт как бы случайный, но немалой исторической значительности. Это высылка в 1921 г. из Советской России почти всей религиозно-философской школы *in corpore*. Лишь некоторые ее представители еще раньше этого эвакуировались с юга России на Балканы (профессора В. В. Зеньковский, Н. С. Трубецкой, К. В. Мочульский, Н. Н. Алексеев, С. С. Безобразов (будущий еп. Кассиан), прот. о. С. Четвериков, А. В. Ельчанинов, в эмиграции принявший священство. Несколько русских писателей бежали в Европу. Д. С. Мережковский, Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. Невысланные и неубежавшие из СССР — так и остались там с запечатанными устами: о. П. Флоренский, С. А. Аскольдов, В. А. Тернавцев — все уже скончались. Но зато, благодаря высылке 1921 г., почти вся элита религиозно-философского направления русской мысли получила неожиданную возможность прожить здесь с нами в эмиграции десятки лет в атмосфере полной духовной свободы и выявить, не без блеска и мировой известности, плоды своей творческой работы. Это были: С. Л. Франк, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, о. Сергий Булгаков, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, Л. П. Карсавин, Н. С. Арсеньев, Г. П. Федотов. К ним примкнуло и вложило свою активность в то же русло религиозно-философской литературы и более молодое поколение, прошедшее основы школы еще в дореволюционной России: Л. А. Зандер, И. А. Лаговский, прот. Г. В. Флоровский, арх. Киприан (Керн), прот. Н. Афанасьев, А. Г. Карпов, В. Н. Ильин, В. Н. Лосский, еп. Иоанн (Шаховской), свящ. А. Семенов-Тянь-Шанский и др.

Специальным органом популяризации идей русской религиозной философии явилась созданная Н. А. Бердяевым «Религиозно-философская Академия». А органом научной разработки богословия и подготовки образованного священства стал «Православный Богословский Институт». В последнем выросли еще более молодые ученые, профессора и деятели церковной культуры из поколения, прошедшего в большинстве уже иностранные средние школы: Б. А. Бобринской, С. С. Верховский, игум. Геннадий (Эйкалович), К. А. Ельчанинов, прот. А. Князев, Н. А. Куломзин, прот. П. Люгов, И. Ф. Мейендорф, И. В. Морозов, Б. И. Сове, Ф. Г. Спасский, прот. А. Шмеман.

Все эти группы работников пера — философы, богословы, публицисты, педагоги нашли свое воплощение в книгах и периодических журналах благодаря 35 лет тому назад созданному органу центра YMCA-PRESS. Этим созданием был не только под-

веден богатый фундамент под превратившимся силою вещей в прицерковную организацию Р.С.Х.Д. Данное счастливое обстоятельство оказалось лишь попутным решением вопроса второй очереди. Но 35-летняя печатная продукция YMCA-PRESS, в первую очередь разрешила вопрос огромной исторической важности. YMCA-PRESS имела великодушие и мудрость поддерживать и зафиксировать в своих изданиях целое вершимое направление общерусской (и в этом смысле и мировой) культуры, которому не оказалось места в Советской России. Там русская культура была коммунистами насильственно искалечена как раз в момент ее необыкновенного подъема и обогащения именно постановкой вопросов религии. И гильотина большевизма варварски отсекала эту для него «голову гидры» и выкинула ее за границу. Между тем, это была одна из головок — вершин общей культуры и, может быть, самая высшая. Такое культурное уродство не может длиться без конца. Отсеченная голова должна вернуться на свое место. И какое счастье, что есть чему вернуться. Одна из интересных, существенных составных частей общерусской культуры оказывается не убитой и даже не удушенной целиком, а благополучно продолжающей жить, развиваться, цвести, ждать момента, когда она сможет вернуться в матернее лоно своей родной культуры, из которого она была временно и противоестественно вывихнута!..

Если даже растение более хрупкое и нежное, требующее для себя родной почвы, как русская изящная литература, продолжало и продолжает плодоносить в свободном воздухе эмиграции, несмотря на параллельное, хотя бы и искривленное существование литературы и за железным занавесом, то тем более ценно и даже исключительно ценно для целостного состава русской культуры ничем здесь духовно нестесняемое развитие столь существенной ветви этой культуры, как философия и религиозная мысль, которая там тоталитарно воспрещена и задушена. В 1940 г., еще в первый период немецкой оккупации Парижа, П. Ф. Андерсон в дружеской беседе с нашей академической семьей и вместе с митр. Евлогием сказал, что, оглядываясь назад на пройденную часть своего жизненного поприща, в оправдание перед судом истории своей часто вынужденно разбросанной деятельности в Европе в период между двумя мировыми войнами, он привел бы осязательный для всех факт, сохранения, размножения и создания среди хаоса катастроф свободной русской книги и, в частности, книги религиозной. Это было метким указанием, хотя и скромно сформулированным на историческую заслугу YMCA-PRESS.

Да, издание за 35 лет свыше 400 названий (около 800.000 томов) книг, брошюр и периодических выпусков, для обслуживания потребностей двухмиллионного (включая и Америку) русского рассеяния — это по меньшей мере гуманитарная и культурная добродетель, достойная высокой моральной премии. И скромные работники американской YMCA субъективно, может быть, и не претендуют на большее. Но наш русский долг: — воздать им справедливое признание за их деяние, превосходящее меру сознательного предвидения и их, и вместе нашего собственного. Мы живем в эпоху, когда мировые умы, индивидуальные и коллективные, с очевидностью являют собой картину предельности изнеможения сил человеческой прозорливости. Кто мог предусмотреть, что русская культура начала XX в., блеснувшая качествами культуры мировой, среди самого расцвета своего признанного теперь всеми ренессанса, так катастрофически будет изувечена под варварской пятой азиатской тирании и выродится в орудие пошлой пропагандной лжи? Вместо естественного расцвета перед нами теперь насильственная дегенерация. Блестящая вершина культуры — ее философская и религиозная мысль сломлена. Очертания культурного здания приняли болезненно уродливый вид. Но, к счастью, за стенами советской тюрьмы еще дышет вольным воздухом мир свободных демократий, особенно — христиански идеалистический мир Америки. Он взял низвергнутую вершину русской культуры на свое попечение, дал ей средства развиваться, чем открыта возможность ее биологического оживления и восстановления снова на почве России. А пока плоды ее приближены ко всему культурному миру и заражают его своим влиянием.

В длинном списке изданий YMCA-PRESS за 35 лет бросается в глаза не монотонная специализация, а разнообразие далеких друг от друга предметов интереса. Тут отражается желание помочь самым разнообразным просветительным и практическим нуждам эмиграции, как утилитарного, так и самого возвышенного характера. Есть детские буквари, детская литература и мир сказок. За ними следует большая литература учебников по языкам, математике, естествоведению и спорту. Завершается учебная серия смелым опытом нового учебного пособия по Закону Божию в трех ступенях, для младшего, среднего и старшего возрастов: «Моя первая книга о православной вере», «вторая» и «третья». Эти книги — результат коллективного труда нескольких авторов. Имена их скромно не названы, что очень тактично, в особенности для первого опыта. Родители, воспитатели и молодые священники давно тосковали о свежих пособиях для уроков о религии. И домашняя религиозность и приучение детей к церковному культу — только

основа религиозного воспитания. Эти впечатления нуждаются в педагогических дополнениях и разъяснениях. Старые руководства по «Священной Истории» и «Катехизису» по их стереотипности приближаются к неподвижности текстов богослужебных книг и сами нуждаются в педагогических пересказах. Не все законоучители сами способны дать их. Для облегчения этой задачи, т. е. для приближения к детскому и юношескому возрастному сознанию предметов веры и составлен предлагаемый опыт. Ревнители бездейственного и мертвящего консерватизма будут, придираясь к неизбежным недостаткам первого опыта, стараться охулить и отвергнуть его целиком. Но благожелательная критика послужит к добросовестным исправлениям и улучшениям его в будущих переизданиях.

За элементарными учебными книгами следуют учебники для средних и высших технических школ (в помощь Курсам Заочного Обучения) по математике, геодезии, естествознанию, технологии, сельскому хозяйству в разных его разветвлениях. Не забыты — экономика вообще и кооперация.

Для потребностей в первую очередь Православного Богословского Института опубликованы профессорские курсы или отделы их: Л. П. Карсавина «Свв. Отцы», о. Г. Флоровского «Восточн. Отцы IV века» и «Визант. Отцы V-VIII в.», арх. Киприана «Евхаристия», еп. Кассиана «Христос и 1-ое христиан. поколение», о. Г. Флоровского «Пути русского богословия», Г. П. Федотова «Свв. Древней Руси», В. Н. Ильина «Всенощное Бдение», «Службы Страстной Седмицы и Пасхи».

Из русской изящной литературы, преимущественно для ДП, отпечатаны избранные произведения: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Тургенева, Толстого, Достоевского, Лескова, Чехова. Из новой литературы и современных нам авторов изданы: Бунин «Освобождение Толстого», Алданов «Истоки» I-II, Шмелев «Богомолье», «Лето Господне», Зайцев «Жизнь Тургенева», «Юность», «Афон», Балтрушайтис, Ходасевич и др.

Из историко-критических трудов о русской литературе нужно назвать книги: К. В. Мочульского о Гоголе, Достоевском, Блоке, Вл. Соловьеве, А. Белом; А. В. Тырковой-Вильямс два тома о Пушкине.

Увлекательной книгой для чтения является мемуарная биография митр. Евлогия «Путь моей жизни», составленная Т. Манухиной.

Промежуточной формой между литературой общей и специальной богословской являются периодические издания YMCA-PRESS. Целых 15 лет (1925-1940) выходили под редакцией Н. А.

Бердяева († 1949 г.) и Б. П. Вышеславцева († 1954 г.) книжки «Пути» (№№ 1-61). Без преувеличения можно сказать — это был живой полный интереса «толстый журнал» русского типа, собравший около себя почти все религиозно-философские перья зарубежья. Особой группе социологов с христианской идеологией (И. Бунаков, Ф. Степун, Г. П. Федотов) дана была издательством возможность выпустить в 1934-1939 гг. 1-14 №№ «Нового Града». Повременным изданием являются и книжки учено-богословского Института «Православная Мысль» (№№ I-X 1928-1954 г.).

Разновременно издано четыре Сборника статей на религиозные, богословские и церковные темы: «Проблемы русского религиозного сознания», «Христианское Воссоединение», «О Переселении душ», «Православное Дело».

В богословском отделе можно указать на серию интересных книг и брошюр апологетического характера (о. Г. Флоровский «Жил ли Христос?» и старообрядческого публициста Ф. Мельникова), а также — по аскетике: «Откровенные рассказы странника духовному отцу»; о. Сергия Четверикова «Оптина Пустынь».

В послевоенное время издательство помогло русским церквям отпечатанием даже церковно-славянским шрифтом Часослова.

Но все-таки самым веским и, можно сказать, исторически монументальным плодом книгоиздательства является щедрое и смелое опубликование всего творчества в зарубежье корифеев религиозно-философской мысли эпохи русского ренессанса начала XX века: Бердяева, Булгакова, Вышеславцева, Лосского и Франка.

Н. О. Лосский, с медленной постепенностью развертывавший в течение ряда десятилетий свою оригинальную гносеологию, шедшую навстречу догматической метафизике христианства, здесь, наконец, сформулировал долгожданную апологетами церкви третью, аксиологическую часть своей христианской философской системы, особенно в двух работах: «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» и «Ценность и бытие (Бог и царство Божие, как основа ценностей)».

Б. П. Вышеславцев, посвятив свои философские дарования православной мистике и этике, дал в своих работах «Сердце в христианской и индийской мистике» и «Этика преображенного эроса» наилучшее оптимистическое истолкование соблазнительного, как бы монофизитствующего облика восточно-православной аскетики.

Наиболее полно и, кажется, до конца исчерпали свои темы и системы в издательстве YMCA-PRESS три самых известных и плодотворных писателя в области религиозной философии: Франк, Булгаков и Бердяев.

С. Л. Франк († 1953 г.), которого специалисты по русской философии готовы признать самым крупным исследователем и мыслителем в этой области, блестяще выразил христианскую философию, и полемически — отталкиваясь от псевдо-религии коммунизма («Крушение кумиров», «Матерьялизм, как мировоззрение») и положительно — своими построениями христианской гносеологии, метафизики, мистики, этики и социологии («Смысл жизни», «Личная жизнь и социальное строительство», «Духовные основы общества», «Свет во тьме»). Франк не только ясный, прозрачный мыслитель, но такой же и доступный, популярный писатель, мастер русского, гибкого, точного языка.

Перу проф. прот. о. Сергия Булгакова и Н. А. Бердяева принадлежат по полтора десятка томов. Отказываясь от полного их перечисления, попытаемся ограничиться их самой общей характеристикой.

Вся серия книг о. С. Булгакова это — и ученая и вместе публицистически увлекающая трактовка многих глав православно-догматического богословия, соответственно читавшемуся им академическому курсу. Завершается эта серия тремя объемами томами — «трилогией» о Богочеловечестве: ч. I «Агнец Божий», ч. II «Утешитель», ч. III «Невеста Агнца». Тут — Триадология, Христология, Экклезиология, т. е. почти исчерпывающая система догматического богословия о. С. Булгакова, его «Summa Theologiae», как профессора этой дисциплины. При всей эрудитной подпочве этого и других догматических трудов о. Сергия Булгакова, их характер формально отличен от принятых у нас систем, как главным образом справочников о существующих уже святоотеческих и других авторитетных мнениях, с отказом от своего собственного. О. Сергей Булгаков одна из сильнейших метафизических голов. Система о. Сергия Булгакова не справочник, а комментарий традиционного церковного учения с точки зрения оригинального мыслителя-философа. Это — двигатель дальнейшей научной обработки православного церковного предания под воздействием новой философии, новой общей проблематики нашего времени. Его Софиология — не новое учение о новом догмате, т. е. ересь, как хотелось бы представить неподвижным умам, а уже не первый опыт использования неразработанной библейской доктрины о Хохма-София для некоторого, хотя бы и очень скромного, но большого разумения неисчерпаемого и непостижимого догмата Св. Троицы.

Имя о. С. Булгакова и часть его богословских трудов в переводе на иные европейские языки привлекли широкий экуменический интерес к русскому богословию. Но динамика его бого-

словских концепций, более плодотворная в качестве двигателя внутреннего развития собственного русского богословия, повидимому не носит в себе особой заразительности для богословов иных христианских исповеданий.

С этим ярко контрастирует мировое эхо на труды другого нашего темпераментного религиозного философа, Н. А. Бердяева. Он не эрудит, не академик, не историк, не излагатель чужих мнений. Он, с другой стороны, и не оригинальный творец совершенно новых философских идей. Можно без труда доказать сплошную заимствованность его идей. Но это не отнимает оригинальности творца и писателя, как духовного аппарата, преобразующего в свое живое, личное и цельное достояние все то, что он проводит чрез свое сознание, переплавляя как раскаленный тигль. Н. А. Бердяев имел необыкновенно счастливый дар публициста и популяризатора. Его идеи облекаются в удивительно простые формы. Его язык вне конкурса по краткости и легкости фразеологии.

Эта ли литературная сторона, или какой иной ментальный секрет должен объяснить нам пока еще несколько загадочный факт, что для широкого мирового общественного мнения Н. А. Бердяев стал самым громким рупором русской религиозной философии, и не только философии, но и богословия и даже самого православия, на что он и не претендовал и что несколько удивляет русских богословов. Очень многие, изданные YMCA-PRESS книги Н. А. Бердяева переведены и еще переводятся на многие европейские языки.

Таков общий итог издательской удачи YMCA-PRESS.

Она оказала не просто гуманитарную услугу русской эмиграции, доставляя ей и ее детям в печальные годы разлуки с родной национальной духовное питание. Она оказала историческую услугу всей русской культуре, а через это и культуре мировой, дав возможность русскому религиозно-философскому творчеству, незаурядному по оригинальности и талантам его творцов, увековечиться в печати и через то сохраниться для преемственного возрождения в будущей свободной России и для усиления связи русской религиозно-философской мысли с мыслью всех свободных наций.

А. В. Карташев.

ПРАЗДНИКИ МЕСЯЦА АВГУСТА

Три праздника Спаса

В церковной практике и в русском быту отмечались три праздника Спаса, в августе. Первый Спас — медовый, 1 ав-

густа, второй Спас — яблочный, на Преображение, 6 августа, и третий Спас — на холсте, 16 августа.

Первый Спас, в день празднования памяти ветхозаветных святых — мучеников Маккавеев, имеет две особенности службы: освящение воды на утрени или после литургии и вынос Креста. Как та, так и другая особенности имеют свои основания в истории церкви. Греческая церковь имела обычай совершать освящение воды в начале каждого месяца, за исключением января, когда освящение полагалось в день Крещения, и сентября, когда оно совершалось на Воздвижение. Такие «неомении» остались у нас на 1 августа, когда совершается малое освящение воды, именуемое в книгах «августовским», и 2 февраля, в день Сретения.

Первоначальный праздник, в 8 веке, имел своим основанием Константинопольский обычай изнесения и перенесения (откуда наше наименование в книгах «происхождение св. Древ») 31 июля (что отмечено в церковной практике предпразднством), из императорской сокровищницы древа Креста в Великую Церковь в торжественной процессии. Наш вынос Креста по славословию имеет свое основание в этом обычае. Обычай же, как думают, произошел из-за преимущественного в Греции развития болезней в эти сроки.

Спасом праздник именуется по иному признаку. В наших богослужебных книгах помещена и иная служба «Всемиловитому Спасу и Богородице» на этот день. Такое празднование добавлено было у нас с 12 века в воспоминание одновременных побед Андрея Боголюбского над камскими болгарями и императора Мануила над сарацинами. В греческих книгах служба не сохранилась. С этим днем некоторые связывают воспоминание крещения Руси, будто бы происшедшего 1-го августа.

В Малороссии в этот день приносят в церковь на благословение мед, созревший мак и сухие душистые цветы «васильки», из которых делались кропила для окропления помещений святой водой. Мак, очевидно, освящался по созвучию названия с Маккавееми.

Второй Спас, день Преображения, 6 августа, назывался яблочным из-за освящения в этот день плодов. В малом требнике находятся молитвы, как на благословение гроздия (винограда), в день 6 августа, так и на благословение «овощия» — иных плодов. Первая молитва, являющаяся основной, имеет в виду благословение плода, служащего для Евхаристии. Вторая молитва разумет благословение всякого созревшего плода. Указание типикона говорит о смоквах и других плодах, которые «да приносятся

кождо во время свое на благословение». Оттуда и благословение, российский по преимуществу, яблока. Типикон указывает не вкушать гроздия до благословения его и налагает воздержание от вкушения винограда весь август нарушившим это правило. Его держались многие и в отношении яблок и иных фруктов.

День Преображения, по смыслу евангельского повествования бывшего незадолго до страданий Спасителя, на Востоке издревле празднуется в августе. Есть указания, что уже в 5 веке этот день отмечался. Возможно, что на выбор даты повлияло желание противопоставить христианский праздник языческим «квартуариям». Но существует и иное объяснение выбора даты, не соответствующей евангельскому расположению событий: нежелание помещать этот праздник в посту — времени сетования, когда воспоминание света Фавора не имело бы такого сияния. Однако, праздник этот приходится на Успенский пост, правда, менее строгий, чем Великий. Можно только предположить, что расположение праздника на 40 дней до более рано установленного празднования Воздвижения имело в себе богословский смысл помещения воспоминания славы Преображения перед памятью Креста: «да егда Тя узрят распинаема, страдание уразумеют вольное». Значение праздника Преображения по богослужебным текстам отмечается разнообразно. Несомненно, праздник имеет смысл доказательства соединения естеств во Христе — «всему Божеству смесив человечество», — засвидетельствованное земными — апостолами, небесными — колесничником Илией и мертвыми праведниками — Моисеем, законом и пророками Ветхого Завета при глазе Отца и осенении шехины (славы Божией). Это свидетельство имеет значение преобразования и для нас: для разумения вольного страдания Сына Божия и «яко да и мы самовидцы Того величества явимся и славу получим — началообразную доброту зрака».

День третьего Спаса — 16 августа — Спаса на холсте, воспоминает перенесение из Эдесса в 944 году в Константинополь Нерукотворного образа на убрусе. Повествование об изображении Спасителя на холсте, приложенном Им к лицу и посланном царю Эдесса Авгарю в 30 году нашей эры, приводится у историка 4-го века Евсевия. Долгое время скрываемый в Эдессе холст с изображением принесен был в Константинополь в день Успения в Великую Церковь и на другой день помещен был в храме Богородицы Маяки (Фаросской). Память об образе остается, сам же образ, по одним сведениям, попал в Грузию, а по другим — после набега крестоносцев на Царьград, похищен венецианским дожем Дандоло, погибшем вместе с кораблем в Мраморном море. Закрепление праздника произошло в 13-м веке, когда патриарх

Константинопольский Герман (Второй — 1226-1240) составил в честь праздника канон.

По своим церковным обозначениям праздник 1 августа и 16 августа являются малыми, но русский быт отмечал эти дни, как великие праздники.

Праздник Успения Богородицы зачалом своим коренится в Палестине с первых веков христианства. Ранние упоминания о нем разделяют памяти двух событий — успения и вознесения Ее. У абиссинцев празднование разделено — на августовское воспоминание вознесения и январское — успения. В 6-м веке император Маврикий в ознаменование победы над персами назначил для торжественного праздника Успения 15 августа. Еще в 5-м веке переписка патриарха Иерусалимского и императора Маркиана подняла вопрос о местонахождении тела Богородицы. Патр. Ювеналий послал погребальные пелены Девы императору в Константинополь с сообщением, что тела Богородицы на земле нет. Император положил пелены в Влахернской церкви, в память чего назначен праздник 2 июля, совместный с памятью патр. Ювеналия.

Восточный праздник в своих литургических текстах повествует о событиях, память о которых хранило христианское палестинское предание. Темой дня праздника Успения служит смерть Богородицы и Ее погребение апостолами. Лишь в дни предпразднества и попразднества можно найти ясные упоминания о веровании в вознесение Богородицы после Ее смерти с телом. Праздник этот по своему смыслу имеет внутреннее сходство с праздником Вознесения — та же светлая печаль о разлучении и та же надежда на заступление Отшедшей. Смерть Богородицы называется живородной: гроб и умерщвление не удержали Ее. Она уснула — успение и означает сон, — пройдя неизбежный для человека путь смерти. Служба Успения постоянно возвращает мысль к Ее смерти, как естественному закону, к Ее погребению в Гефсимании апостолами. Сын Девы принимает Ее душу, апостолы оплакивают разлучение, поют погребальные песнопения.

Но и надежда на заступление «в молитвах неусыпающей», принявшей «мертвость живородную» и «бессмертное успение» постоянно звучит в песнопениях. Дева проходит врата смерти, но Она жива по смерти. Сын принимает Свою Матерь, как должник (по выражению Дамаскина в каноне), восприявший от Нее плоть человеческую — «из Нее же облелся еси в подобострастное нам тело». Эту принадлежность Богородицы к человечеству отмечает Феофан в своей стихире. «Сродна присвоения не забуди, Влады-

тице», разумея человеческое совершенное и полное естество Девы, благословенной между дочерьми земли. Но смерть Девы есть прехождение, предобручение, вечной жизни, обетованной праведникам. Как святых святейшая и честнейшая херувимов она тотчас по смерти получает дар вечной жизни от Сына.

Праздник Успения был великим по преимуществу на Руси. Успению посвящены были повсюду многие церкви и в частности Российский кафедральный собор в Москве.

В Успенской Киево-Печерской Лавре и в Гефсиманском скиту, основанном патриархом Никоном, за успенской всенощной совершается чин погребения Богоматери, составленный подражательно утрени Великой Субботы. Такая практика существует и за границей, правда, с перенесением дня совершения чина.

С днем Успения связан монастырский чин возношения Панагии, богородичного хлеба, за трапезой.

Праздник Успения предваряется пятнадцатидневным постом. В России по традиции, у икон, хранилась наряду с Благовещенской Успенская просфора на случай болезни.

29 августа церковь отмечает воспоминание Усекновения Предтечи. И здесь, также как в отношении Преображения, по евангельскому повествованию день усекновения можно расположить перед Пасхой — в феврале, марте. Установление праздника на 29 августа, по Болотову, можно предполагать как нарочитое церковное намерение противопоставить языческому празднованию в Александрии Нового года (в Армении также), христианский праздник. Существование памяти события относится по источникам к 5-му веку, но на месте, в Севасте и всей Палестине, память погребенного учениками Иоанна, несомненно, существовала и ранее, наряду с памятями пророков — в частности, Елисея. Памяти мучеников являлись очень рано и, конечно, первомученик времени Христа был в чести в Палестине. Несколько дней в году отведено воспоминанию Предтечи. Собор его и Перенесение десной руки из Антиохии в Царьград, 7 января, 12 октября перенесение десницы из Мальты в Гатчину в 1799 г., Зачатие (23 сентября) и Рождество его (24 июня), и памяти первого, второго и третьего обретения главы его. Такие многочисленные воспоминания и иконография его (на Деисисе) отмечают особое место Предтечи в истории человеческого спасения. Литургические тексты применяют к нему многие наименования чинов святости: пророка, апостола, священнопроповедника, мученика, ангела: последнее наименование отразилось в иконографии — крылатый пустынный. Песнопения говорят и о проповеди Предтечи о пришедшем Христе во аде. Евангельский текст об Иоанне как Или, по

слову Спасителя, не получает своего толкования в богослужении.

День 29 августа по указанию типикона строго постный — в подражание жизни Предтечи и из-за печали воспоминания кровавого события. В России день именовался Иваном Постным и традиция возбраняла употреблять в пищу не только мясо и рыбу, но даже овощи, имеющие круглую, напоминающую голову, форму.

В 1769 г. императрица Екатерина повелела в этот день совершать поминовение воинов, на брани убиенных, но практика обратила 29 августа в поминальный день вообще всех.

Ф. Спасский.

ПОЛОЖЕНИЕ ВО ГРОБ

Икона северных писем 15-го века собрания И. С. Остроухова, ныне в Третьяковской галерее в Москве

В прежнее время ее считали новгородской; последние труды советских ученых причисляют ее к северным письмам. На первом плане саркофаг, в котором лежит оббитое плащаницей пречистое тело; над ним склонилась Богоматерь, прижавшая свою щеку к щеке сына, Иоанн Богослов и Иосиф Аримафейский. За ними стоят три Марии и Никодим на фоне «горок» или «лешадок» в форме отдельных усеченных конусов, расположенных двумя группами, расходящимися снизу вверх в виде латинского V. «Лешадки» в каждой группе образуют четыре ряда один за другим. Группу фигур доминирует вторая слева Мария, вероятно, Мария Магдалина, воздевшая над головой обе руки, причем большой палец на каждой, образует с остальными пальцами опять-таки форму V. Таким образом ее жест отчаяния как бы повторяется пейзажным фоном в виде поднимающихся к небу в две стороны «горок» и в ослабленной потенции ее ладонями; он же возвращается в руках Никодима, воздетых до высоты груди с тем же расположением пальцев и еще слабее в ладонях первой слева Марии. Душевное состояние, выраженное в этом жесте, становится формальным лейтмотивом всей композиции. Фигура Магдалины дает самый сильный драматический и одновременно красочный акцент иконе. На ней темно зеленый хитон и киноварно-красный гиматий.

Расположение лешадок за стоящими фигурами не случайно; между ними строгое соответствие. Поднимающиеся за Никодимом одна над другой четыре горки своими правыми откосами повторяют закругляющуюся линию его плеча и руки, горки за стоя-

шей рядом с ним Марии повторяют наклон ее головы, Магдалине соответствуют три ряда горок, на которых вырисовываются контуры ее головы и двух рук; в соответствии с наклоном ее головы эти горки уходят влево. Наконец, первая слева Мария, меньшая всех ростом, обрамлена как бы нишей отвесным склоном находящейся за ней горки; не будь этого обрамления, ее силуэт был бы ослаблен, в то время как в нем он остается равноценным другим. То, что эта фигура меньше других, находит свое объяснение в том обстоятельстве, что линия голов верхнего ряда повторяет ту же линию в нижнем ряду от Иосифа до головы Христа, точно также снижающуюся к левому краю иконы. В этой композиции все строго рассчитано, ничего не предоставлено случаю. Также как голова Магдалины едва-едва выдается из плавной дугобразной линии голов верхнего ряда, так выдается и голова находящегося под ней Иоанна в нижнем. Иоанн повторяет в несколько придушенном аспекте и колористическое созвучие Магдалины, на нем тоже красный гиматий, но слегка темнее и такой же темнозеленый хитон. Крайняя фигурка слева от Магдалины одета в светлозеленый гиматий из-под которого виднеется совсем небольшой кусок темнокоричневого хитона. Эти красные и зеленые пятна выделяются среди доминирующих в иконе желтых и коричневых тонов. Лещадки — светложелтые с более темными полосами, в которых местами заметна примесь красного, одежда Никодима — коричневая с темными линиями складок, Мария рядом с ним в желтом гиматии; гиматии Иосифа и Богоматери красновато-коричневые, саркофаг желтовато-коричневый, на нем резко выделяется чисто белая плащаница. Таким образом одежды Богоматери, Иосифа, Никодима и Марии рядом с ним повторяют в более сильных тонах краски, содержащиеся в горках. Ныне белый фон между горками некогда был золотым; как и венчики вокруг голов нижнего ряда.

Всякое описание красок перед одноцветным воспроизведением беспомощно. Между тем, краски — душа русской иконы. Последняя не знает светотени, почти не знает оттенков и переходов от одного тона к другому, она знает лишь краску, чистую, яркую, резко контрастирующую с соседней, от которой она отделяется четко проведенным контуром.

Не следует думать, что жест вздетых рук Магдалины является выражением индивидуальной эмоции художника, писавшего данную икону. Византийская, а за ней русская иконопись индивидуальных эмоций не знает. Все выражения внутренних переживаний были издавна зафиксированы и стали, так сказать, каноническими. Эти вздетые руки повторяются на протяжении столетий

почти без изменения на изображениях распятия, снятия со креста, плача над телом и положения во гроб в средневековом искусстве всех стран, иконографически связанных с Византией. В Италии они живут еще в 15 в. Где искать первое появление подобных традиционных мотивов, где тот мастер, для которого они были действительным выражением его внутренней взволнованности? На этот вопрос мы пока ответа не знаем. Мотив вздетых рук мы также находим на изображениях Богоматери Оранты. Есть ли

связь между этим чисто репрезентативным изображением и драматическим жестом Магдалины, и не должны ли мы искать мотив Оранты в языческой древности, это тоже вопросы пока остающиеся открытыми.

Еще другой мотив интересует на нашей иконе — Богоматерь прижимающая щеку к лицу Христа. Это как бы жест Богоматери на репрезентативных иконах типа «умиление» (ср. Владимирская Б. М., Донская Б. М.), перенесенный на изображение события из евангельской истории.

Но действительно ли здесь изображено событие? До известной степени да, поскольку положение во гроб есть событие. Но

то, как мастер к нему подошел, откинув всякое попечение о реализме, о передаче трех измерений, о моделировке фигур и лиц, не дав сцене никакой глубины (фигуры точно вырезаны из бумаги), превратив ее в графический плоскостной орнамент, в узор, создает впечатление, что перед нами не происходящая во времени драма, а что эти образы на век застыли в своих позах и являются символами одной из истин христианского вероучения. Эта икона — объект поклонения и как таковой принадлежит к совсем иной категории зрительного восприятия, чем всякая иллюзионистическая живопись.

Проф. гр. В. П. Zubov.

ПЛАЧ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ*)

Беги, князь, спеши, князь!
Святополковы волки идут.

Борис худоват, высок, в небольшой бороде, тихий и смиренный. Вот идет с киевскою ратью из похода на печенегов, расположился у реки Альты, разбил шатры. Дружинники разводят костры. Ночь зачернела. Звезды июльские.

Говорят Борису:

— Умер в Киеве родитель твой Владимир. Что-то теперь будет?

Борис опечалился, стал на молитву.

На утро советники говорят:

— Идем на Киев, выгоним Святополка, будешь великим князем.

— Нет, отвечает Борис: на Киев не пойду, не подыму руки на старшего брата. Он мне теперь вместо отца.

На реке Альте, в июльский день, Борис распустил войско, остался один с приближенными.

Прошли дни, опять говорят ему:

— Беги, князь. Святополк на тебя умышляет. Погубит он тебя.

— Ничего, отвечает Борис: мне бежать некуда. И не хочу.

Князь Глеб моложе Бориса. Совсем юный, едва подбородок покрыт пухом. Всегда жил вместе с Борисом, во всем подчинялся, его чтения житий и молитвы слушал. На княжении милостив и кроток. Пришла и к нему весть в Муром — его удел — об отцовской болезни, и тоже в Киев вызов от Святополка.

*) Было напечатано в «Возрождении» в 1927 г.

Глеб опечалился. Оделся по-дорожному, сел в ладью, и с ладьями дружины мимо темных муромских боров, где ходит косматый медведь, глухарь токует, брусника меж сосен краснеет, двинулся против воды. Потом вытащили ладьи, волокли волоком, довлачив, спустились в новые реки.

Начались реки древлянские, мутноводные, тоже леса кругом, но корявые и низкорослые. Сырь, болота.

Глебово сердце невесело.

— Где-то милый брат мой Борис, наставник и тец, с кем росли мы в Киеве при батюшке? Был бы здесь брат, поддержал бы меня в сумных этих лесах древлянских. Один я сюда заброшен, куда плыву?

**

Сидит в Киеве, зубами щелкает, рассылет востроухих по Руси — на юг к Переяславию и на север по Днепру — бегут, шерстью потряхивают, рыщут, понюхивают, глазами в ночной тьме сверкают.

Святополковы волки идут.

**

Добежали до Борисовых шатров на реке Альте. Стали ночи ждать — черны июльские ночи. А Борис уже знает. Позвал священника, поют утреню. Сам прочел Шестопсалмие. После службы исповедался и причастился.

Помолился о Святополке, вспомнил о Глебе.

— Где-то сейчас милый брат мой Глеб, с кем мы жили душа в душу в родительском доме? Ах, брат бесценный, кабы ты знал, что приходит мой конец!

Борис лег в шатре и стал ждать. Побоялись ворваться к нему. Длинными копьями сквозь шатер, черной июльской ночью прокололи тело смиренного князя.

Глеб плывет по реке Смядыни. Уже близок Днепр. Его догоняет вестник от брата Ярослава из Новгорода.

— Брат Борис убит. Не ходи в Киев, поворачивай ладью.

**

Всю ночь провел Глеб в смятении, тосковал и плакал. Бледно светили звезды сквозь туманы древлянские. Вода журчала. Жалобно выпь ухала.

— Братец мой светлый, взывал Глеб: за что убили тебя? Разве ты не был покорен отцу и старшему брату?

Утром бледен поднялся юный Глеб. Но не велел поворачивать ладью, той же Смядыню спускались сред лесов и сумрачных болот.

**

Бегут от Киева к северу, спешат, землю нюхают, при устье Смядыни ладьи берут, гребут против воды.

Святополковы волки идут.

**

Жара. Леса горят за Смядынью. Сиво-опаловое солнце печально смотрит сквозь туман. Медленно плывут ладьи — Глеб зачерпывает иногда воды рукой и смотрит, как стекают безудержно капли.

Близ полудня из-за островка навстречу вышло тоже несколько ладей. Закричали с них:

— Эй, муромцы, давайте сюда Глебку, мы его доставим сами в Киев!

— Беда, князь, сказали спутники: надо драться. Враги идут.

И муромские ладьи сплотились теснее вокруг Глебовой, а дружинники вынули оружие.

Глеб ответил:

— Нет, не надо драться. Я не подыму руки на старшего брата. Пусть подходят его посланные. Ничего худого я ему не сделаю. За что он меня обидит?

И отошли муромские ладьи. Только Глебова осталась посреди реки. Ее окружили недруги, стали смеяться и поносить Глеба, и тоже взяли за оружие:

Глеб им сказал:

— Я невиновен ни в чем перед братом Святополком. Что я против него сделал? И за что поносите меня?

Не послушали его. Вскочили в ладью, схватили Глебова повара, родом из Тороков, закричали:

— Ну-ка, ты, покажи нам, как барашка к княжескому столу готовят?

И зарезал повар из Тороков кухонным ножом своего князя на туманной глади Смядыни.

**

Ночи июльские, шатры на реке Альте, ладьи смядынские, светлые звезды и ветры глухие, знайте о судьбе князей. Тело Бориса тайно погребено в Вышгороде, тело Глеба в лесах древлянских, среди немых колод. Сами ж они, чрез века, держась за руку, медленно шествуют — мученическими венцами сияют.

Плачьте над земным их уделом. Радуйтесь горнему.

Борис Зайцев.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА ИСТОРИКОВ В МАЙНЦЕ

От 15 до 20 марта тек. года в Майнце заседал международный конгресс историков, историософов и богословов. Приглашение исходило от майнцевского «Института по изучению европейской истории». Присутствовали представители 16-ти наций. Тема конгресса гласила: «Европа, как наследие и задание». Задача, которая стояла перед конгрессом заключалась в определении основ и принципов европейской культуры. Фронт конгресса был обращен против советской России, как величайшей угрозы Европе.

Подходя утром к старинному прирейнскому замку, в котором должны были происходить заседания, я, среди шестнадцати, оснащенных национальными флагами мачт увидел грустную мачту без флага и сразу же решил, что она высится здесь в качестве символа отсутствующей немой России. Приглашенный на конгресс в личном порядке, я приехал на него без всяких задач. Но, прося слова по докладу председателя конгресса, я уже чувствовал себя единственным на съезде представителем России, которому надлежит выяснить европейским ученым и природу того революционного советского флага, которого они не посмели вывесить и того пореволюционного, за который они должны бы чувствовать себя в ответе.

Главное впечатление, оставшееся у меня от конгресса, это громадная эрудиция почти всех выступавших с докладами ученых и полное отсутствие в них волевых директив. Все докладчики вдумчиво разбирались в наследии Европы, что же касается задач, то лишь немногие ограничивались беглыми намеками, а то просто благими пожеланиями; заимствованного Марксом у христианской гносеологии тезиса: «познавать мир — значит его преобразовать» никто, как будто бы не чувствовал. С громадного махового колеса четырехдневной дискуссии были, с самого начала, чьею-то заботливой рукой скинуты все приводные ремни к производственным машинам и аппаратам государственной, общественной и экономической жизни. С точки зрения конкретных задач жизни оно потонуло явно вертелось впустую. Мне кажется, что эта волевая размагничность мысли никем, впрочем, не подчеркиваемая, была гораздо большим недостатком конгресса, чем его неспособность выработать единый и всеми разделяемый взгляд на духовные основы и принципы европейской культуры. В этом вопросе расхождения были вполне естественны; да и не так уж велики, чтобы их нельзя было совместно впрячь в живую творческую работу над спасением европейской культуры.

На вопрос о его духовных основах конгрессом были даны, в сущности, только два ответа. Первый был наиболее ярко сформулирован в докладе Христофора Даусена, известного автора прекрасной книги «The making of Europe», второй, профессором Моразэ. (Париж).

Не сомневаюсь, что подготовляемые к печати протоколы конгресса подтвердят впечатление, что большинство докладчиков были того же мнения, что и Даусен, т. е., признавали, что нерушимой основой Европы надо считать христианство с его двумя Ветхими Заветами — иудейским и античным. В противовес всем им Моразэ и примыкающие к нему ученые указывали на то, что для Европы характерна не столько вера — ве-

рою держались все культуры — сколько дух критицизма, логической точности и математической формулы.

Течение конгресса доказало, что оба эти ответа отнюдь не всегда должны исключать друг друга. В наши дни, когда к искреннему шопоту «Господи, верую», мало, кто посмел бы не прибавить «помоги моему неверию», критический подход к христианству мог бы оказаться весьма полезным в трудном подвиге возвращения Европы на давно оставленные ею пути. Странным образом, этого критического подхода к христианству во многих докладах и в особенности в прениях весьма не хватало. Многие историки, социологи и даже богословы повидимому не давали себе ясного отчета в том, что христианство это, прежде всего, вера во Христа, как едиnorodного Сына Божьего, что оно живет исповеданием Лица Божия во Христе, а не приверженностью христиан учению Иисуса, что Иисус нечто совершенно иное, чем некий возвышенный иудейский Сократ. Этой грани между христианством и, если так можно выразиться, Иисусизмом, никто не отрицал, но ее и мало, кто по настоящему ощущал. Явная приглушенность живого чувства этой все решающей грани сказывалась в том, что многие докладчики и оппоненты уж очень легко сливали христианство, понимаемое как мирозерцание, со всякими иными мирозерцаниями: с античным гуманизмом, с гуманным либерализмом, с демократическим человеколюбием и даже, вспоминая Иоанна Златоуста, с коммунистической идеократией. Нет спора, если и не в Рим, то все дороги все же ведут к Христианству и исходят от него. Для христианина ничего, кроме христианства нет и быть не может. Все, что есть, суть или подступы или отступления от него. Считать христианство за общий знаменатель всех духовных явлений культуры и всех исторических событий вполне правильно, но совершенно неправильно превращать его в некий мирозерцательный числитель над общим знаменателем творимой людьми культуры. Большинство ученых это было как будто бы не вполне ясно. Почти все говорили о христианстве, как об важнейшем измерении культуры, не спрашивая себя, не есть ли сама культура всего только внутри-христианское явление, центральная магистраль христианской плеромы. Защищая эту мысль, как предпосылку углубленного понимания большевизма и выяснения средств для борьбы с ним, я аргументировал исключительно методологическими соображениями. Ученые могут не верить во Христа и делают правильно, признаваясь в своем неверии. Но ведь на конгрессе, доказывая я, спор идет не о вере, а о науке, а тем самым, применительно к христианству о феноменологически правильном и логически точном определении христианства. Сомневаться же в том, что христианство победило мир и оформило духовный образ Европы не в качестве религиозно-нравственного мирозерцания, а в качестве живой веры в божественность Христа, с научной точки зрения — невозможно. Отрицать этот факт может только воинствующее неверие, но никак не критическая наука.

Уже во вступительной речи председателя конгресса, профессора Геринга, и в первом же реферате известного социолога Рюсто было заявлено, что практическая задача конгресса: борьба против большевистской России. Когда европейцы противопоставляют христианскую Европу советской России, за этим противопоставлением часто кроется — иной раз бессознательное, а иной раз и сознательное отождествление России с Азией. Первым теоретиком этого евразийствующего русофобства, если не считать Лейбница, который определил русских, как «северных турок», (от чего он, однако вскоре отказался), был известный французский исто-

рик Henri Martin, который в своей книге «La Russie et l'Europe» (1862 г.) доказывал, что русские ни в каком смысле не могут считаться европейцами, т. к., они, во-первых, не славяне, т. е., не индо-германцы, а туранцы, а во-вторых, не христиане, а лишь слегка покрытые христианским лаком — суеверные, невежественные язычники, не способные ни к какому нравственному совершенствованию, почему их и надлежит изгнать за Урал.

Эти историософские размышления повторил, не затрагивая рассового вопроса, после первой войны, в своей блестящей книге «Défense de l'occident» Henri Massis, для которого Европа, и как понятие, и как историческая реальность до конца совпадает с романским католичеством. По его мнению Россия не Европа потому, что православие догматически совершенно аморфно, что Россия не чувствует божественной природы разума и отрицательно относится к принципам иерархии и порядка (ordo). Большевизм для Massis законный наследник древней России. В нем Петровская Империя возвращается в Азию.

Ясно, что при таком враждебном отношении к России Европа никаких противоядий против большевизма выработать не сможет. Борьба против него для Европы возможна только в порядке живого покаяния, в чувстве своей вины перед Россией за то страшное, что она сделала над самую собой, и что внесла в мир. Ничего азиатского — это нам надо постоянно повторять европейцам — в большевизме нет. По своему идейному содержанию большевизм — о чем же спорить — типичный продукт западно-европейского развития. Ни философский материализм Энгельса, ни экономический социологизм Карла Маркса, ни диалектический метод Гегеля, ни с туранством, ни с конфуцианством, ни с буддизмом ничего общего не имеют. Все это типичная секуляризованная Европа. Но не этой европейской идеологией 19 в. оцетинился большевизм против Европы и подлинной России, не ею стал он страшен всему человечеству, но чем-то совершенно иным, а именно — своею демонической псевдо-религиозностью. Если и не по своим идеям, то по всей структуре своего чувствования и верования, большевизм, конечно, гораздо ближе Московскому царству, чем европеизированной империи Петра с ее Синодом. В бакинском определении первого революционера — для него, конечно, глубоко положительным — как библейского дьявола, в страшном ленинском определении (письмо к Горькому) христианской веры, как «труположество», во всем воинствующем антитеизме большевизма слышится такая черная ненависть ко Христу, в которой нельзя не услышать и некоторой близости к Нему. Ненависть, как и любовь, всегда подходят и к людям и к явлениям вплотную. Издали никого ни обнять ни задушить нельзя. В европейском атеизме русской ненависти ко Христу и Церкви никогда не было. Это большевистская ненависть проснулась в Европе лишь в национал-социализме. Чудовищная ненависть Гитлера к евреям, политически-бессмысленная и несправедливая (основатель консервативной партии Германии был еврей — Юлиус Шталь, а председателем немецкой фронтальной организации «Стальной шлем» полу-еврей Дюстенберг) и экономически для Германии весьма вредная, ничем не объяснима, кроме мистической ненависти Гитлера и его дружины к еврейству, как избранному народу, к еврейской плоти, как плоти, в которую облекся Христос.

Из такой подлинно-демонической природы большевизма, в его первичном, подлинном облике, и национал-социализма следует, что борьба против этих течений, связанных между собою жуткой перекличкой идей

и преступлений, возможна только на путях возвращения к религиозным первоосновам европейской культуры, т. е., подлинному христианству.

Но не утопия ли все это? Где силы Европы, да и где те русские силы, что могли бы повернуть колесо истории? Думаю, что положение Западной Европы, пожалуй, еще трагичнее, чем положение России, потому что она больше и глубже живет одними только хозяйственными интересами. Вся, весьма значительная, духовная жизнь Европы, ее философия, ее искусство, никакого активного участия в государственном социальном и хозяйственном построении жизни не принимает. Политическая власть всецело находится в руках партий, которые всюду живут корыстными интересами и полемически заостренными идеологиями, не веря ни в нравственные начала, ни в объективные идеи в качестве живых сил общественной жизни.

Социологическая структура России была и осталась иной. В политической жизни России ни общественные классы, ни политические партии первенствующей роли, никогда не играли. Наши партии, прежде всего, либеральные и социалистические, были всего лишь отрядами революционной интеллигенции, которая жила, конечно же, не интересами крестьян и рабочих, как это ей казалось, а социальными идеями или даже верованиями, занесенными к нам западными ветрами.

С некоторых пор в эмиграции повелось хулить эту интеллигенцию за бесконность, утопичность, близорукость, бездельность, но эти лишь частично справедливые обвинения, не отменяют того неоспоримого факта, что орден русской революционной интеллигенции (формула В. П. Анненкова) представлял собою совершенно особенную социологическую структуру, сыгравшую в политической жизни России решающую роль. Нельзя не видеть, что большевизм никогда не был партией, никогда не представлял ничьих интересов, ни пролетарских, ни крестьянских, ни меньшинственных. Рассматривать тоталитарный большевизм, как партию — социологически совершенно бессмысленно. И по своей исповеднической страстности и по своей воинственности большевизм первого периода революции был, конечно, неким секуляризированным католическим орденом. Интересно отметить, что в работах выдающихся западных социологов — Сорель, Паретто, Карл Шмидт — слышится высокая оценка орденового начала, как формы политической жизни. Об ордене никто не говорит. Говорят об элите, но по существу это одно и то же.

Несчастье России было не в том, что в ней выковался интеллигентский орден, а в том, что он был частично пустогрудно-безбожен, частично же злобно-супостатен.

Разрушенная революционным орденом безбожников Россия может быть спасена не 20 политическими партиями будущего Учредительного Собрания, а неким христианским рыцарством или, говоря скромней, трудовой православной интеллигенцией, которая, будучи рассеянной по разным общественным классам и по разным партиям, была бы все же связана между собою некоей, общей всем духовностью.

Подготовка кадров православной интеллигенции мне всегда представлялась главной задачей Русского Студенческого Христианского Движения. Уже на съездах в двадцатых годах в Сарове под Берлином и в Пфаффенштейне под Дрезденом я протестовал против мистической комфортабельности. Конечно, всякий православный интеллигент должен быть верным сыном Церкви и, по возможности, активным членом своего прихода, должен чувствовать основную традицию православия, любить, и до некоторой степени, знать святоотеческую литературу, но все это, по

моему, еще не создает движенца. Не стояние в церкви, не затворничество в приходе, не жажда покаяния и не забота о спасении своей души — создает его, а выход в мир, живая тревога за судьбы человечества и даже больше — живой интерес к социальным и политическим вопросам своей страны и всего мира. Но всем этим православному интеллигенту, т. е., движенцу, должен жить и интересоваться, конечно, совершенно иначе, чем партийный политик, на иной глубине и в ином измерении. За всякий смертный приговор и даже за каждое губительное парламентарское решение он должен чувствовать себя лично ответственным перед Богом и перед людьми, ибо подлинно верно, что каждый за все и за всех виноват.

Я знаю, что все, к чему я призываю, православной церкви зарубежья сейчас чуждо, как ей чуждо почти все, что связано с религиозно-философским движением 19 и 20 веков: с Хомяковым, Соловьевым, Достоевским, Булгаковым, Бердяевым, Мережковским и др. Нет спора, отдельные взгляды некоторых из этих философов не лишены вольнодумного гнозиса, вольноотпущенного бесконтрольного мистицизма и социального утопизма, но и зная это, я утверждаю, что русской религиозно-философской мыслью была затронута громадная тема и поставлен ряд текущих проблем, повелительно требующих своего разрешения.

Незаконченный образ Алеши Карамазова, раннего и румяного чело-веклюбца, посланного монастырем в мир, еще ждет своего завершения и воплощения. Подготовка этого воплощения представляется мне главной задачей Движения. Вот о чем беседовал я на майнцевском конгрессе со своими коллегами.

Ф. Степун.

ПРАВОСЛАВИЕ В СИРИИ И ЛИВАНЕ

Для современного человека, Ближний Восток представляется, прежде всего, как страна Ислама, Арабское «море» затопило в 7-м веке эту часть света и сделало из нее главный рассадник мусульманской культуры. В настоящее время арабские государства переживают острый политический кризис. Еще недавно они освободились от турецкого владычества, а после войны, им удалось добиться независимости и от политической гегемонии Западных колониальных держав, Англии и Франции. Но это освобождение совпало с новой опасностью: учреждением Израильского государства в Палестине. На этой беспокойной почве продолжается постоянная закулисная борьба американского и советского влияний. Коммунизм легко распространяется в полуголодной арабской массе.

Какое же место в этой сложной обстановке занимают православные?

В Сирии и Ливане их всего около 300.000, маленький остаток когда-то монолитно-православного населения страны Игнатия Антиохийского, Ефрема Сирина и Иоанна Златоуста. В течение веков Православие было ослаблено и древними ересями (несторианством, монофизитством, монофелитством), арабским нашествием и, наконец, «униональной» политикой Рима. Нигде, как в этой стране, среди мусульманского большинства, не чувствуется в такой степени разделение христианского мира!

Но несмотря на свою сравнительную малочисленность, несмотря на культурную слабость клира, Православие представляет собою в Сирии и Ливане большую духовную силу. Во-первых, это есть исконная религия страны. Арабские националисты не могут сказать о Православии, что оно «продукт Западного колониализма» (этот упрек часто бросается ка-

толикам и малочисленным протестантским группам). Все православное духовенство — арабского происхождения и арабский язык употребляется в церкви. Многие православные занимают видные места в политической жизни, в университетах и в обществе. Народное благочестие в городах и деревнях еще не затронуто знакомой нам на Западе секуляризацией.

Но чтобы понять и слабые стороны церковной жизни, достаточно вспомнить о правовом статусе, которым пользуются религиозные общины на территории бывшей турецкой империи. Каждая церковь или религиозное общество представляет собою и политическую единицу, во главе которой стоят епископы. Большая часть гражданских дел подлежит церковному суду. Православная «община», как таковая, имеет депутатов в парламенте. Церковное имущество находится, практически, в единоличном распоряжении епископа. Все это перегружает клир административными, политическими и экономическими обязанностями. Правда, и экономические дела могут служить во благо Церкви, если только сама Церковь и ее служители сознают свою ответственность перед Богом и людьми.

Вековое отсутствие, под турецким владычеством, церковного просвещения и погруженность в административные дела, лишило многих представителей церковной иерархии чувства этой ответственности. В этом слабая сторона Сиро-Ливанского Православия.

Между тем, среди мирян, в народе, проявляется огромная жажда духовного возрождения и стремление к оздоровлению церковной жизни. В результате этого народного стремления возникло после войны, Движение Православной Молодежи. Главные основатели и вдохновители этого Движения о. Георгий Ходр, архим. Игнатий Хазим, Альберт Лахам, известные многим в Париже, где первые два получили богословское образование. Почти все живые начинания Церкви связаны с Движением. Члены его не только сами изучают Писание и Предание Церкви, участвуют более сознательно в литургической жизни, но и учат других: многие воскресные школы для детей находятся под их руководством. Движение устраивает миссионерские поездки по деревням, публичные собрания и лекции (иногда приглашая профессора из Парижа), издает журнал на арабском языке. Несколько членов Движения уже стали священниками, несколько девушек желают принять монашеский постриг; для устройства женской обители, по инициативе Движения, из Парижа была выпущена русская монахиня, мать Бландина (Оболенская).

Если Богу будет угодно, арабское Православие в Сирии и Ливане может стать одним из центров духовного возрождения Православной Церкви. Перед Православием Ближнего Востока лежит много неотложных задач: прежде всего, задача духовного просвещения в самом православном обществе, а затем и внешняя миссия. Эта миссия должна коснуться, в первую очередь, древних восточных церквей, так называемых «монофизитских», отколовшихся еще в 5-м веке, но сохранивших древний иерархический и литургический строй. Догматические различия, разделяющие их с Православием, в значительной мере могут быть преодолены, через уяснение богословских терминов и отказ от церковного национализма.

Гораздо более трудной представляется необходимость свидетельства о Христе перед Исламом. Но именно Православию, исконной Церкви страны, это свидетельство и эта миссия должны принадлежать.

Эти задачи могут быть достигнуты, если Православие на Ближнем Востоке пойдет по пути намеченному Движением Молодежи. На этом же

пути будет преодолен и соблазн коммунизма, парадоксально представляющийся теперь многим, как возможный выход из состояния экономического застоя, социального неравенства и политической зависимости.

И. Мейендорф.

ПИСЬМО ИЗ АЛЯСКИ

После долгого зимнего оцепенения начинается весеннее оживление на Аляске. Потянулись в проливах фрејтеры: большие грузовые суда, подвозящие материалы и провизию на рыбные заводы; засуетились рыбаки готовые к весенней ловле палтусов.

После недавнего посещения Аляски специальной церковной комиссией, во главе с епископом Вашингтонским Ионою, оживилась здесь и церковная жизнь. На остров Кодьяк прибыл, бывший в Сан-Франциско дьяконом при соборе, отец Роман Штюрмер, пожелавший миссионерствовать на Аляске, культурный священник. Учреждено при Свято-Тихоновской семинарии в штате Пенсильвания, по инициативе того же епископа Ионы, стипендия для двух кандидатов во священство из Аляскинских туземцев. Епископ Иона лично пожертвовал на эту стипендию половину своего месячного епископского оклада. Однако, найти подходящих кандидатов во священство среди Аляскинцев очень трудно. Алеуты, живущие преимущественно на территории Алеутских островов, на о. Кодьяке и на полуострове Кенай, с трудом кончают среднюю школу и весьма немногие из них поступают в университеты. Для поступления же в Св. Тихоновскую Семинарию требуется окончание средней школы. Индейцы-колоши, живущие в Ситхе, на о. Чичагове и на Адмиралтейских островах, легче усваивают образование и многие занимают государственные должности. Из моих ребятшек в с. Хуно, один индеец-мальчишка 11 лет, в два-три месяца научился прилично читать по церковно-славянски и читает в храме. Трое других на Рождество спели хором по-гречески: «Слава в вышних Богу и на земле мир...». Дэвид Перрин, индеец 25 лет, имеет солидную святоотеческую библиотеку до Никейских и после Никейских св. отцев; следит за всеми православными изданиями на английском языке. Он в переписке с ГОИЯ — представителями греческой православной молодежи и со студентами Свято-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке. У него большая семья. Со временем он может стать хорошим священником для колошей.

Храм св. Николая в с. Хуно почти закончен. Работали одни индейцы, а план был представлен Александром Офтрахтом.

Православие на Аляске сильно затруднено враждебной к нам пропагандой протестантов или отступников от православия. Сын православного священника Соболева, перешедший в пресвитерианство, каждую субботу по радио из столицы Аляски, передает на индейском наречии клинкет враждебные нам радио-передачи. В Соболев получил степень доктора богословия пресвитерианского Принсептонского университета.

Православная Церковь на Аляске нуждается в новых миссионерах священниках, в приезде православных лекторов, и в хорошей православной литературе на английском языке. Службы здесь совершаются по-английски, часть песнопений поется на наречии клинкет. Письменности у индейцев нет. Нет в их языке понятия: — церковь, Бог — Тикзанкау — скорее в значении Высшего Духа.

Отец Сергей (Иртель).

БИБЛИОГРАФИЯ

МЫСЛИ О ЧЕХОВЕ

Владислав Ходасевич писал в одной из своих статей, что «писатель прекрасен всегда — или никогда. Новое время не только требует новых песен; оно по новому слушает старые. — Ближе то время, когда Чехову предстоит быть прочитанным по новому».

Читая книгу Б. К. Зайцева*), вспомнил я эти слова Ходасевича. Зайцев видит Чехова по новому, не так, как видел его хотя-бы Андриевский, сказавший, что «Чехов прекрасный писатель своего момента», не так, как видела его русская либеральная интеллигенция конца 19-го и начала 20-го века, а по новому. То, что было скрыто для интеллигентных современников Чехова, в большинстве своем материалистов и безбожников, открывается для нашего современного сознания в совсем ином свете.

Отец Чехова, Павел Егорович, таганрогский счетовод, служащий купца Кобылина, а потом хозяин прогорающей мелочной лавки, заказал себе печатку, где было выгравировано: «Одинокому везде пустыня». Этот отцовский девиз будет сопровождать Чехова всю его жизнь. Остался в жизни Чехова еще один след Павла Егоровича — икона Иоанна Богослова. Странное, как будто, сочетание. Но почему Чехов всю жизнь бережно хранил эту печатку и эту икону?

Отец Чехова был религиозен, но религиозность эта была уставщицкая, в которой преобладал не дух, а форма. Это, как думает Зайцев и оттолкнуло от веры его сыновей, которые все стали, если не безбожниками, то маловерами.

«Расписание делов и домашних обязанностей», висевшее на стене в чеховском таганрогском доме, в котором неотлагательно приписывались «правила поведения и хождения в церковь», могло, конечно, только оттолкнуть молодого Чехова и от правил и от хождения. Но все-же христианский мир отца и матери скрытно в нем произрастал.

Это «расписание делов» уже свидетельствует о грубом, мещанском стиле жизни, царившем в семье Чеховых. Эти грубость и мещанство, конечно, не могли не оттолкнуть сдержанную, замкнутую, изящную душу Чехова, и от бытового православия, которое с этим бытом внешне было связано.

Удивительно, между прочим, изящество чеховской души. Все писатели, вышедшие из народа или купечества (некоторые из них были очень талантливы — Горький, Шмелев...) никогда не смогли избавиться от этой их примитивной грубости. Чехов от природы был душевно аристократичен, это одна из загадок Чехова, который несмотря на свой позитивизм, трезвость ума, наивную веру в науку, является одним из самых загадочных русских писателей.

О Чехове существует огромная литература, в частности, в советской России. Советские литературоведы стараются представить Чехова, если не марксистом (что было бы уж слишком глупо), то во всяком случае предвестником марксизма. «Мы увидим небо в алмазах». — (Алмазы коммунисты приписывают, конечно, себе).

*) Борис Зайцев. Чехов. Литературная биография. Издательство имени Чехова. Нью-Йорк, 1954.

Для восстановления истины, нужно сказать, что Чехов считал, что главный признак марксистов в том, что они «рыжие». Кроме того, упоминал он еще и о марксистах с «надутыми физиономиями». Вряд ли «алмазы», в сознании Чехова, имели к этим физиономиям хоть какое-бы то ни было отношение.

Зайцев не впадает в другую крайность. Он не говорит, что Чехов был писателем христианским. Но некоторые духовные, подземные, глубинные течения в Чехове он прозревает. В этом значительность его книги.

В 1900-м году Чехов писал — «я человек неверующий», и считал, что вера наиболее ему подходящая, это вера Льва Толстого. Но и эту веру он не имел. Внешне, Чехов был врачом, наблюдателем, пытавшимся наукой заменить религию. На медицинском факультете усваивал он некоторую «религию науки». Зачитывался Дарвином — «какая роскошь! Я его ужасно люблю», верил в прогресс, — «через 200-300 лет все будет замечательно».

«Надо сказать прямо», говорит Зайцев, «у Чехова не было веры (т.е. основного чувства идущего из недр: все правильно, с нами Бог)».

Это одна сторона Чехова — позитивная, но, как отмечает Зайцев, не было в Чехове внутренней цельности, а было раздвоение, отсюда его непрочность и тоска. Чехов часто задумывался... Где смысл, где истинная правда, в точности он не знал. Как был он двойственным, так им и остался до конца. Когда его спрашивали о бессмертии души он говорил, что не верит, а через несколько дней говорил, что бессмертие — факт. Умер он без покаяния, хотя и знал, что умирает. Выпил бокал шампанского, сказал «ich sterbe», и умер.

На этом, как будто-бы можно было-бы поставить точку. Но, то, что было закрыто для нас в Чехове человеке, открывается нам в Чехове писателе.

Б. К. Зайцев, очень правильно отмечает, что Чехов, будучи человеком нецерковным, дал в своих произведениях удивительную защиту и даже превознесение того самого духовенства, которому готовили уже буревестники разных мастей, мученический венец. Вспомним, хотя бы, образы отца Христофора в «Стени», дьякона в «Дуэли», преосвященного Петра в «Архиерее». В «Стени» Чехов пишет, что «старика только что вернувшиеся из церкви, всегда испускают сияние». Сияющее всеединство «глубинного» отца Христофора, по верному замечанию Зайцева, сближают его с мудрецом и философом В. Соловьевым. Все это, конечно, было увидено Чеховым бессознательно, но удивительно, что художник Чехов открывает нам, то, что Чехову человеку было закрыто.

Замечателен в этом смысле чеховский рассказ «Мужики», в котором грубость и ужас русской деревенской жизни, соединяются со светлыми и высокими религиозными чувствами: Чехов художник показывает нам, что между небом и землей не пусто.

В этом же смысле, необыкновенно интересен другой рассказ Чехова «В овраге», в первый раз напечатанный по странной случайности в марксистской Горьковской, «Жизни». В этом рассказе внутренне побеждают смиренные и святые. Живоносность живет в сердцах людей. Зайцев правильно пишет, что в этом рассказе образ Липы с младенцем, почти видение евангельского оттенка.

В рассказе «Студент», который по словам Чехова, был его любимой вещью, студент Духовной Академии рассказывает бабам у костра о том, что происходило 2000 лет тому назад в Иерусалиме, во дворе первосвя-

щенника. Зайцев прав, когда говорит, что вместе с бабами, в этом расказе плачет и сердце Чехова. Христова правда составляет главное.

Книга Б. К. Зайцева написана этим первоклассным мастером, как всегда, с изысканной простотой. Представляет она интерес не только, как некое новое свидетельство о Чехове, но и как прекрасный образец русской художественной прозы.

Влад. Смоленский.

G. A. Wetter. «Der dialektische Materialismus», Wien, 1952.

Объемистый труд G. Wetter, посвященный истории и анализу диалектического материализма, на протяжении 589 стр. дает подробнейшую характеристику этого бессмысленнейшего продукта марксизма и неомарксизма. Огромной заслугой г. Wetter, является исчерпывающее изложение всей советской литературы по философским вопросам (кто-то один раз должен был, конечно, погрузиться во все подробности «диамата», и теперь, после книги Wetter'a, можно спокойно не заглядывать в советскую философию. Wetter, очень объективно излагает, как историю советской философии, так и ее «систему». Нечего удивляться, что заключения его убийственны (стр. 567-589). Правда, русские читатели, знакомые с этюдами Лосского и Бердяева, с превосходными обзорами Д. И. Чижевского (писавшего тогда под псевдонимом Прокофьева в Соврем. Записках (№ XXXIII и XLIII) и, наконец, с замечательной работой Б. П. Вышеславцева (под псевдонимом Б. Петрова), едва ли нуждаются в том, чтобы изучать советскую философию. Но и для русского читателя книга Wetter'a имеет ту ценность, что в ней он найдет тщательный обзор книг и журнальных статей по советской философии. Особенно же нужна и ценна книга Wetter'a для западного мира; было бы очень желательно появление книги Wetter'a на французском языке, ввиду всем известной склонности многих французских ученых к советской культуре. Правда, эта «склонность» относится преимущественно к тому «эксперименту», который проделывают в России, но было бы для этих «communisants» все же очень полезно погрузиться в советскую абракадабру.

Wetter, не избежал, к сожалению, той ошибки, которую так часто мы встречаем при характеристике советской культуры, — я имею в виду сближение ее с русскими дореволюционными течениями (напр., славянофильством). Правда, некоторое формальное сходство тут можно найти, но то, что пишет об этом Wetter, на стр. 573-575, не может не шокировать мало мальски осведомленного русского читателя. Но эту ошибку, надо бояться, будем мы еще долго встречать у западных писателей.

В. З.

Revue des Etudes Slaves. T. XXXI, Paris 1954, 362 p.

В издательской деятельности, Славянского Института в Париже, видное место занимает научный журнал-ежегодник, *Revue des Etudes Slaves*, издающийся поныне под редакцией одного из его основателей, проф. А. Мазона.

Первая часть журнала содержит научные статьи, заметки (notules) и сообщения (documents). В разбираемом нами последнем номере за 1954 г., из семи больших статей четыре посвящены русской литературе и истории. Илья Денисов, известный исследователь Максима Грека и его времени, католик (православным специалистом по тому же вопросу яв-

ляется греческий историк Г. Папахиаил), дает критическую оценку древне-русским сказаниям о Максиме Греке (стр. 7-29). П. Паскаль рисует культурную жизнь русского провинциального центра в 19 в., Нижнего-Новгорода, показывая, вопреки общепринятому мнению, что культура не была уделом одних столичных городов, Москвы и Петербурга (стр. 39-55). Голландский славист Ф. Экман подробно разбирает малоизвестную первую пьесу Чехова, изданную только в 1929 г. и не имеющую названия (стр. 56-70). А. Мазон, продолжая печатание описанных им в 1930 г. парижских рукописей Тургенева, предлагает вниманию читателей начало неизданной комедии Тургенева, «Две Сестры». В этом раннем отрывке (1844), носящем следы влияния французских писателей Мюссе и Мериме, А. Мазон видит сюжетное сходство с «Месяцем в деревне» (стр. 88-100).

Любопытна заметка А. Вайана, предлагающего новую этимологию глагола «врать», не от «врача» (!) и не от индоевропейской основы *ver* — говорить, а от русского диалектального глагола *zaveret* — плести, подобно тому, как плести дало выражение «плести чепуху» или слово «оплетня»...

В отделе сообщений впервые публикуется интереснейшее письмо Рильке написанное, им из России одной русской, Елене N. и свидетельствующее о страстном увлечении молодого Рильке Россией, в частности, религиозным обликом русского народа.

Во второй части журнала из года в год, в размере от 100 до 250 страниц, дается посылно исчерпывающий критический библиографический обзор всех нововыходящих книг и статей по филологии, литературе и истории всех славянских языков и стран. Обзор этот составлен лучшими специалистами в данных областях. Русский отдел, самый обширный, составлен Б. Унбегауном (филология), А. Мазоном (литература и литературоведение), Р. Порталем (история политическая; отдел этот страдает недостаточным критическим подходом к советским источникам), П. Паскалем (история церковная) и А. Фроловым (искусство).

Если первая часть ставит *Revue des Etudes Slaves* в ряды лучших научных журналов по славяноведению, то вторая часть его, библиографический обзор, делает его поистине единственным и, в своем роде, незаменимым.

Н. Струве.

List of the Writings of Professors of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris; 1925-1954, 98 p.

По случаю тридцатилетнего юбилея своего существования, Богословский Институт в Париже, заботами Л. А. Зандера, издал брошюру с полной библиографией всех произведений своих нынешних и бывших профессоров и преподавателей.

Библиография эта является повторением и дополнением к предшествующим изданиям 1932, 1936 и 1947 гг.

Ее полезно иметь всякому, кто интересуется жизнью Церкви и богословской мыслью.

Н. К.

Х Р О Н И К А

30 ЛЕТИЕ БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА В ПАРИЖЕ.

Празднование 30 летия Богословского Института, подтвердило еще раз то исключительное положение, которое он занимает на Западе. Если 25 летний «юбилей» был организован, главным образом, русскими, то последнее торжество являлось результатом желания экуменических кругов отметить работу, проведенную за 30 лет Институту.

Были получены приветствия от Высших Школ почти из всех стран мира, даже из католической Испании. Не менее знаменательно участие в торжестве всех христиан: католиков, англикан, лютеран и реформатов.

Все это свидетельствует о той роли, которую играет Институт и его профессора в жизни Христианского Запада.

Утреннее торжество на Сергиевском Подворье было более интимным и семейным, вечернее в Американском Соборе, более официальным, но и там чувствовалась несомненная крепость тех уз, которые Институту удалось завязать с инославными.

Необходимо также подчеркнуть значение встречи представителей русской общественности с деятелями экуменического Движения и, прибывших из разных стран, делегатами. Многие из них впервые познакомились с работой Института.

П. К.

ПРИВЕТСТВИЕ ОТ Р.С.Х.Д. БОГОСЛОВСКОЙ АКАДЕМИИ.

В день празднования Св. Сергиевской Православной Академии в Париже ее 30 летнего существования, Русское Студенческое Христианское Движение шлет Академии, ее профессорам, ее бывшим и настоящим воспитанникам свое сердечное поздравление с нынешним юбилеем и горячо желает плодотворной работы в будущем. Тридцать лет стоит Академия на своем славном посту, служа и родной Церкви и всему Православному миру. Тридцать лет правда Православия светит в самом центре западного христианства, раскрывая ему богатства Православного богословия, Православного понимания жизни и мира. Особую заслугу должно вменить Академии то, что она охранила лучшие традиции русской высшей духовной школы, подготовила целую плеяду молодых русских богословов.

Продолжая работу русских Духовных Академий, Св. Сергиевская Академия вбирала и вбирает в себя все лучшее, что можно найти на христианском Западе.

Заслуги Академии поистине неисчислимы, работа ее была и остается бесценной. Да благоволит же Господь нашей Академии дожить до того светлого часа, когда мы все сможем вернуться на родину, чтобы в условиях свободы содействовать духовному возрождению России.

Да здравствует Св. Сергиевская Православная Академия! Да здравствуют ее профессора, ее студенты! Слава бывшим и настоящим ее работникам!

6 ЛЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ.

Женские Богословские Курсы закончили свой академический год и отпраздновали в скромной обстановке конец своих занятий. 5 лиц, сдавших все экзамены и написавших дипломные сочинения, были удостоены дипломов, — и это свидетельствует столько же об усердии слушательниц, сколько и о серьезном, ответственном отношении к своим занятиям. На заключительном собрании были оглашены интересные данные о том, что за эти 6 лет Женские Курсы издали лекции своих профессоров общей стоимостью на 488.000 фр. По всему свету расходятся эти лекции — их

заказывают из всех стран Европы, Америки (Северной и Южной), Африки, Австралии.

Большой заслугой Женских Курсов является организация (с осени 1954 года), Курсов заочного изучения православного богословия, привлечших к себе всеобщее внимание.

Пожелаем Женским Курсам с той же энергией продолжать свою работу и в дальнейшие годы.

В.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ЖЕНЩИН.

Группа православных женщин, объединенных во имя служения Православной Церкви, обращается к Вам с просьбой откликнуться на наш призыв к объединению.

Нашей целью является организация связи между всеми, кто хочет быть полезным Православной Церкви. Православные люди должны быть объединены между собой, чтобы успешнее помогать Церкви и друг другу. Необходимо установить контакт между всеми прицерковными ячейками: сестричествами, сдружествами, кружками и всякого рода организациями, которые уже работают на пользу Православия, а также сделать попытку связать всех тех, кто живут вдали от церковных центров.

Нам надо подумать о нашей молодежи и детях, которые, получая образование в иностранных школах, часто теряют знание родного языка и отрываются от Православной Церкви. Необходимо найти путь к сохранению в Православии наших детей, которые сами не сознают, что они теряют. Это задача родителей и в первую очередь это дело матерей, так как матери воспитывают детей и на них лежит ответственность за их духовное здоровье.

Мы должны сознательно относиться к учению Православной веры, дабы не поддаваться под влияние антихристианских и сектантских течений из-за своего неведения. Задачей инициативной группы по объединению женщин является координация всех живых сил для совместной, дружной и благотворной работы на благо нашей Православной Церкви.

Просим Вас поддержать наше начинание.

Комитет избранный на первом открытом собрании, решил организовать Съезд женщин, представительниц церковных общин во Франции, который состоится с 13 по 15 августа с. г. в Париже. На Съезде будут затронуты следующие вопросы:

Организованы ли в данном месте регулярные богослужения?

Какое количество взрослых и детей объединяет данная церковная община?

Имеется ли активная женская группа?

Какого рода деятельность уже имеется, или может быть развита в данном месте?: духовно-просветительная, социальная, педагогическая.

Кто несет ответственность, или кто мог бы взять на себя ответственность за проведение в жизнь этих начинаний?

Какие новые формы миссионерской и педагогической деятельности для молодого поколения могут быть осуществлены в данном месте?

Могут ли женщины данного округа составить активную группу для осуществления намеченных задач?

Может ли связь между женщинами всех приходов во Франции помочь в осуществлении наших заданий?

Какие меры могут быть приняты для связи изолированных семейств и одиноких людей с церковными центрами?

Какие трудности стоят в связи с воспитанием детей в православной вере?

Какие пособия необходимы для педагогической и воспитательной деятельности?

Перед Съездом от 1 по 12 августа будет проведен цикл церковно-просветительных лекций на темы: по введению в Ветхий и Новый Заветы, литургии, устава, церковного пения, преподавания Закона Божьего, о различии между Православием, католичеством и протестантизмом, о ведении евангельских кружков и других предметов, дающих необходимые знания для воспитания детей в религиозном духе.

Для участниц этого начинания, приехавших из провинции, будет организован кров и стол. Программа будет построена таким образом, что участницы будут иметь достаточно времени для посещения достопримечательностей Парижа.

Всех, кого интересует это начинание, просим сообщить об этом заранее и не позднее 25 июля. По просьбе участниц своевременно будут высланы программа и условия «пансиона».

Относительно справок о Съезде, обращаться по адресу:

Femmes Orthodoxes. 91, rue Olivier de Serres, Paris (15^e).

Комитет Объединения Православных Женщин по устройству Съезда и церковно-просветительных лекций:

В. Зандер, Л. Грунау и З. Серикова.

О СЪЕЗДАХ Р.С.Х.Д. И О ИХ ЗАДАЧЕ

Обычный весенний съезд Русского Студенческого Христианского Движения, лишний раз показал важность и нужность этого дела. Это явствует из того интереса, который съезд пробуждает не только в среде самого Движения, состоящего из верующей молодежи, но и в более широких кругах общества. На этот раз в съезде участвовало около 220 человек, причем были приезжие из Англии, Германии, из Швейцарии и Бельгии, не говоря о французской провинции. Съезд (три свободных дня католической Троицы — 28 по 30 мая) был организован, как обычно: утром — литургия; затем лекции и семинары. Лекторами были Епископ Кассиан («Христианский смысл истории»), прот. В. Зеньковский («Жизнь во Христе»), прот. А. Князев («Свидетельство Богоматери о Слове»), К. А. Ельчанинов («Что нового принесло Христианство в мир»). Семинары были посвящены различным проблемам (учение о таинствах, о Церкви, о путях спасения), при чем в субботу изучалось учение об этих предметах Православной Церкви, а в понедельник рассматривались ответы на эти вопросы католичества и протестантизма. Кроме того в небольших группах имело место обсуждение всех затронутых в лекциях вопросов, и значительное свободное время было оставлено для частных бесед, прогулок и т. п. Все это — в рамках чудесного парка и благоустроенного дома La Roche-Diez, принадлежащих Французскому Студенческому Христианскому Движению. Подобные съезды повторяются каждый год. Ничего особенного и необычного в них нет. Чем же они к себе привлекают? Почему они так важны?

Наша церковная действительность неудержимо стремится стать бытом. Сам по себе быт хорош; но в его обыденности и каждодневности мы слишком часто забываем, что Евангелие есть «благая весть», что Христианство есть «новая жизнь», что верующий есть «новая тварь». Потрясающая истина Христианства, преломленная в привычных формах бытового благочестия, становится для нас согревающим теплом домашнего уюта —

привычного храма и любимых напевов. И вот в эти три дня, которые мы проводим вне обычной суеты — в молитве и беседе о христианском смысле нашей жизни, напоминают нам о том, что мы слишком часто забываем: что христианство есть нечто не только данное, но и искомое; что церковная реальность только частично и неполно воплощает церковный идеал.

Слово «литургия» означает «общее дело»; слово «Церковь» означает «общество», «общение». Но в нашей жизни литургия превратилась в некое священнодействие, при котором мы по воскресеньям благоговейно присутствуем, но подлинного и полного участия в ней не принимаем. А Церковь мы обычно рассматриваем, как некую организацию, которой управляют епископы и священники и которая имеет своею целью совершение богослужений. Как далека наша жизнь от того состояния, когда «у верующих было одно сердце и одна душа», когда «все верующие были вместе и имели все общее... и каждый день единодушно пребывали в храме... и принимали пищу в веселии и простоте сердца» (Д. А. 4:32; 2:44).

Само собою разумеется, что съезд, а тем более Движение не могут претендовать возродить свет Первохристианства в жизни нашей поздней эпохи. Но они стремятся вдохновить этим идеалом, зажечь в сердцах огонь, побудить людей к более полному исполнению Церкви (выражение проф. А. В. Карташева). Тем более, что пути этого даны: в церковном учении, в церковном каноне, которых мы просто не исполняем, приспособивая их к нашей лени и слабости и прикрываясь ложным благочестием. Так, причащение Св. Таин перестало быть **общей** жертвой и **общей** трапезой (**общее** дело — литургия) и превратилось в акт **личного** благочестия (об этом см. книгу прот. Н. Афанасьева «Трапеза Господня»). Бороться с этим искажением индивидуально — очень трудно. Но когда на съездах Движения к св. Чаше идут **все** (именно **все** — как одно, а не как сумма единиц) — тогда в литургии открывается нечто новое, или, вернее, древнее, вечное, но нами забытое...

Когда в лекциях и беседах раскрывается смысл христианской жизни и истории, тогда видим, что литургия есть не только **общее** дело, но и **общее** дело; что участие в ней требует большего, чем жертвы двумя утренними часами по воскресеньям, что Церковь есть общение и в мысли и в чувстве, и в имуществе и в судьбе. Другими словами: — наука и искусство, техника и экономика, политика и тактика — все должно стать церковью, должно быть пронизано ее благодатными лучами. Об этом писал Достоевский: — «...по русскому пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив государство с наукой и цивилизацией должно кончить тем, чтобы слободиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более. И се буди, буди!».

Это, конечно, — мечта. Но горе нам, если эта мечта потухает в нашей душе. Тогда христианству отводится уютный угол, оно отгораживается от жизни и в ответ слышим грозные слова, обращенные к Лаодикийской церкви: «так как ты не горяч и не холоден, а тепел, то извергну тебя из уст моих»...

Все эти истины, вся тоска по идеалу христианства, вся скорбь и раскаяние за нашу жизнь переживаются нами на съездах Движения. Эти три дня не только напоминают нам о том, чего мы жаждем и ищем, но в зачатках, в залоге «как бы сквозь тусклое стекло» **являют** нам более полный, живой и осуществленный образ Церкви — и тем вдохновляют на дальнейшую борьбу, на совместное несение Креста Христова.

Л. Зандер.

СЪЕЗД Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ (Впечатления участника)

... Надо сказать, что не все приехали на Съезд вдохновленные исключительно религиозными побуждениями. Некоторым из молодых хотелось и повеселиться, некоторым из старших хотелось провести два или три дня на даче. Сам я, будучи впервые на этом съезде, приехал, признаюсь откровенно, с целью «поглазеть на то, что тут делается». Но, прибавлю сразу же, я был моментально захвачен общим водоворотом, заинтересован не только самими докладами, но и их обсуждением.

Что было особенно хорошо на Съезде, это свобода критиковать, сомневаться и возражать докладчику на религиозные темы, даже если этот докладчик был священник.

Что еще создавало дружественную атмосферу, это русский дух, царивший среди участников. Трудно было поверить, что мы во Франции, где-то под Парижем, когда в воскресенье вечером, 29-го мая, молодежь собралась в лесу вокруг костра и стала петь хором русские песни, одну за другой без остановки, до поздней ночи.

Говорят: молодежь денационализируется. Возможно, бывают всякие, но в это не верилось, когда мы сидели вокруг костра. Мне также не верилось в это, когда, выйдя из зала, где показывали вечером фильмы старых съездов я пошел по коридору и услышал где-то рядом тихий голос. Голос что-то читал за одной из дверей. Я подошел, прислушался и с удивлением услышал стихи Блока. Тогда я открыл эту дверь и вошел в комнату. Может быть я открыл дверь будущего русской молодежи за рубежом. Хотелось бы в это поверить. За длинным столом, в полумраке, чинно сидело человек пятнадцать. Молодые люди и девушки от 18-ти до 22-23-х лет. Они читали с увлечением из тетрадок стихи своих любимых поэтов. И мне подумалось: почему бы не сделали такой же съезд для обсуждения русских общекультурных тем? Приехали бы наши писатели, артисты, приехала бы и наша молодежь. Был бы настоящий контакт между культурными силами старого поколения и теми, которые должны их сменить.

Д. Сорокин.

РАБОТА ЮНОШЕСКОГО ОТДЕЛА Р.С.Х.Д. ЗА 1954-55 Г.

В этом отчете мы очень кратко коснемся основных сторон работы Юношеского Отдела за 1954-55 г.

Надо иметь в виду, что дети участвующие в «Дружине» делятся на две основные группы: дети с 7 до 14 лет и с 14 до 18. Работа с этими двумя группами ведется отдельно, по совершенно различным программам.

Весь период от октября до Рождества прошел под знаком подготовки к Елке. Так как программа Елки была задумана широко, — поставить ряд сцен из былинны — оперы Садко, то и работы по подготовке спектакля было много. Почти полностью часы воскресных сборов (с 3 до 6) посвящались этой подготовке, писанию декораций, разучиванию ролей, рисованию программ и т. д. В этой работе принимало участие 35-40 детей с 7 до 14 лет.

Старшая группа собиралась по субботам или воскресеньям вечером на частных квартирах. Два раза группа ходила в театр.

Из этой довольно многочисленной группы, человек в 20-25, выделялся кружок чисто религиозного характера. В нем приняло участие 12 человек 15-17 лет. Ценно то, что этот кружок возник по собственному желанию его участников. Докладчиками были сами члены кружка: Н. Петренко, Е. Клепнина, С. Аржаковский, С. Фицхеллауров и др. В кружке

разбирались следующие темы: что такое добро и зло, в чем заключается различие между православием и католичеством, в чем сущность протестантизма.

На каникулы католического Рождества был организован в Вогезах зимний лагерь. В лагере приняло участие 45 человек детей при 4-х руководителях. В программу лагеря входили: прогулки, игры, пение, подготовка к кострам и спектаклю, ручной труд, чтение.

Успех зимнего лагеря поднял посещаемость сборов после Рождества. Программа воскресных сборов делилась на две части: с 3 ч. до 4 ч. игры, а затем с 4 ч. до 6 ч. занятия по отрядам. Отец Алексей Князев проводил беседы на религиозные темы, руководители читали детям отрывки из русской литературы, проводили занятия по ручному труду. В марте месяце был парад, на котором много новых детей были приняты в организацию.

В этот же период были организованы две поездки в русский детский дом в Mongeron, где дети «Дружины» принимали участие в чистке и покраске комнат. Кроме того, в течение зимы дети три раза собирали деньги с кружками на красный крест, на слепых и на стариков.

На каникулы католической Пасхи был организован десятидневный лагерь под Парижем. В лагерь записалось 70 детей, но к сожалению, за отсутствием места в нанимаемом доме, всех принять оказалось невозможным.

Кроме регулярных сборов и походов, дети от 10 до 15 лет посещали клуб, по средам с 5 ч. 30 м. до 8 ч. В программу клуба входили, кроме игр, особые занятия с детьми по подготовке к ним уроков в четверговой школе. В этом же клубе группа в 7 человек детей работала над изданием первого номера журнала Дружины; дети сами писали, рисовали, печатали на машинке, крутили ротатор и брошюровали журнал.

Кружок руководителей в этом году занимался изучением педагогических вопросов. В кружке были проведены беседы на следующие темы: ручной труд, программа костров, игры, наказания.

Кроме этого, кружок руководителей регулярно собирался для совместного обсуждения зимней программы.

В этом году число руководителей значительно увеличилось. Правда, не все они могли регулярно работать зимой в Дружине, но зато почти все едут в лагерь.

В конце октября состоится съезд руководителей Юношеского Отдела, на котором примут участие около 25 руководителей и помощников руководителей.

В этом году в Ницце началась регулярная работа с детьми. Н. В. Гейт собирает их каждое воскресенье и проводит с ними работу аналогичную той, которая ведется в Париже.

Руководители Юношеского Отдела встречаются с рядом больших трудностей в своей работе. Главная из них заключается в том, что дети утрачивают русский язык. Руководители в лагере летом и зимой делают особые усилия для того, чтобы дети говорили по-русски. Но и эти усилия могут увенчаться успехом только в том случае, если родители со своей стороны будут поддерживать в детях знание русского языка.

К. А. Ельчанинов.

ОСЕННИЙ СЪЕЗД Р.С.Х.Д. ВО ФРАНЦИИ

Р.С.Х.Д. устраивает 1 и 2 октября, в Бьевре съезд на общую тему: «Нагорная проповедь» (Ев. от Мф. 5, 6, 7). Темы докладов: 1 октября утром — два доклада на тему: «Заповеди Блаженства» — читают Т. Б. Струве и свящ. Георгий Сериков; после обеда два доклада на тему:

«Отношение христианина к самому себе и к ближнему» — читают Н. В. Гейт и прот. Валентин Бакст.

2 октября утром — два доклада на тему: «А я говорю вам: не противя злему» (Мф. 5, 39) — читают С. Роменский и К. М. Князев; после обеда два доклада на тему: «Любите врагов ваших» (Мф. 5, 44) — читают А. Поремский и прот. Василий Зеньковский.

Справки и запись у секретаря Р.С.Х.Д. И. Морозова, 91, rue Olivier de Serres. Paris 15, tél.: LEC 81-24.

О РАБОТЕ Р.С.Х.Д. В АМЕРИКЕ 1. КРУЖКИ

В Нью-Йорке в текущем году собирались следующие кружки Р.С.Х.Д.:

1) «Основные вопросы жизни», под руководством проф. С. С. Верховского. Цель кружка — разбор практических жизненных вопросов (ценности жизни, гордость и смирение, отношение к власти и т. д.).

2) Литургический кружок под руководством прот. А. Шмемана. Цель кружка: изучение православного богослужения, раскрытие его жизненного смысла. Тема этого года: «Православные Праздники».

3) Музыкальный кружок под руководством Г. А. Кочевницкого, быв. проф. Ленинградской Консерватории. Цель кружка: познакомить русскую молодежь с историей русской музыки, с жизнью композиторов, со значением русской музыки в мировой культуре, научить молодежь понимать то, что слушаешь и знать, что искать в музыке. Иллюстрации грамофонными пластинками.

2. РАННИЕ ЛИТУРГИИ ДЛЯ СЛУЖАЩИХ

Большинство православных людей, связанных работой, лишено возможности пойти в церковь в дни великих церковных праздников. Поэтому праздники, в которых раскрывается содержание нашей веры, постепенно исчезают из быта, растворяются в буднях. Закон «мира сего» оказывается сильнее законов церкви, и это требует от нас особенного усилия.

Уместно напомнить, что в древности, в эпоху гонения на христианство, даже воскресный день не был «праздником» в смысле отдыха от работы. Свободным днем его сделал император Константин в 4-м веке. Но это не мешало христианам праздновать его; ведь смысл праздника был для них не в физическом отдыхе, а в духовном усилии и, прежде всего, в участии в богослужении. Они его совершали рано утром перед работой. И то же самое было и в наши дни, когда советская власть пыталась уничтожить воскресный день, заставить забыть о его религиозном значении. Мы живем под натиском материалистической цивилизации, знающей только ритм работа — отдых, но не знающей ничего о духовном законе освящения времени и жизни церковным богослужением, а ведь в этом смысл праздников.

Чтобы дать возможность служащим освятить свой день в дни великих праздников, в храме преп. Серафима Саровского (225 В. 99 ул.) служатся ранние литургии от 6 ч. 45 м. до 7 ч. 45 м.

3. СЪЕЗД Р.С.Х.Д.

Как все последние пять лет на Лэбор Дэй викенд собираются члены Движения и молодежь, заинтересованная в нашей работе, для слушания докладов, для дискуссий, для знакомства и сотрудничества, для общего участия в Таинстве Причащения. О подробностях съезда будет объявлено позже.

Редактор: И. В. Морозов — Directeur responsable P. A. Struvé.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1955 ГОД

« В Е С Т Н И К »

Православный орган религиозной мысли

и церковно-общественной жизни.

XXI-й ГОД ИЗДАНИЯ

Во всех странах подписка с целью поддержки издания равняется двойной стоимости обычной подписки.

Во Франции: Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15°. C.C.P. Paris 2441-04.

в Марокко: Mme E. Mirkovitch, 36 Derb Abda Kasba, Marrakech, Medina, Maroc.

Обычная подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.

в Америке: Miss. Olga Seredinsky, 34 Rutledge Ave Trenton, N. J. U.S.A.

San-Francisco: Miss. Olga Raevsky, 1866 Green Street, San Francisco 23, Calif. U.S.A.

Обычная подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.

в Англии: Mrs. Frank-S... don N. W.

в Австралии: Polyglot Victoria.

в Бельгии: Mme N.

в Германии: Fräulein Hugelstr

в Канаде: Mr. Ole Montrea

в Финляндии: Rev. S. I

в Швеции: Prost. S.

Подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.

Подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.

Подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.

Подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.

Подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.

Подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.

Подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.

Подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.